lee

Крылья демона

lee

Крылья демона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400273
ISBN 9785447473952

Аннотация

«Крылья демона» – это приключенческий роман о демонах, ангелах и людях. Если существуют демоны, то каковы их мотивы? Может ли демон понять любовь? Что с ним случиться? А как его примут свои и чужие? Где предел изобретательности влюбленного демона, который останется один на один с миром людей из разных эпох?

Содержание

Пролог 5
Часть 1 6
Глава 1 6
Глава 2 17
Глава 3 28
Глава 4 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Крылья демона
lee

© lee, 2016
© lee, дизайн обложки, 2016
© lee, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я смотрю в свои глаза. Зеркало не может врать. Даже, если я сменю облик, оно останется безучастным к моим попыткам обмануть самого себя. Зеркало лишь отображает то, что видит. Оно слепо, но правдиво, оно чисто как моя душа в момент рождения. И вместе с тем, зеркало равнодушно к миру, который таит в себе. Так и моя душа спустя многие тысячелетия пустой жизни стала безучастна ко внешнему миру. Словно великий часовщик завел могучую пружину, которая раскручиваясь тянет меня из прошлого в будущее, ничего не оставляя в настоящем. Жизнь неумолимо несет меня в своих стальных объятиях, не позволяя остановиться и понять, кто я есть и зачем этот мир нужен мне или я миру. Я бегу все быстрей и быстрей, ничего не слыша, кроме своего срывающегося дыхания. И где тот миг удовлетворения, ради которого можно было бы оправдать свой марафон сквозь время?

Мрак, скрывающийся в моих глазах, бездонный и безнадежный мрак одиночества невозможно утаить от самого себя. Мне все чаще и чаще хочется протянуть руки, прорвать барьер зеркала и попытаться схватить себя за голову, хоть слегка приблизив эту темную бесконечность.

Я смотрел на себя, но не на шаг не приближался к ответу. Наверное, не на себя нужно смотреть, а на мир, даже, если этот мир и скрывается в тебе.

Часть 1

Глава 1

В предвкушении легкой добычи, которая уже загнана в мои ловушки, я подошел к одному из самых престижных ресторанов Города. Сегодня здесь собиралась элита музыкального мира страны. Точнее люди, которые считали себя таковыми. У входа меня встретил швейцар – молодой парень внушительной наружности. Как положено по стадным законам этого времени, его голова была тщательно выбрита. Можно подумать, что работодатели современных охранников хронически боятся проявления интеллекта, который вдруг проступит в отросших волосах. Это они зря, конечно, беспокоятся.

К вороту условно белой рубашки парня была прицеплена дешевая бабочка на резинке. Замена привычного для него спортивного костюма на одежду a la «поклонник классического бильярда», которая, по-видимому, должна ассоциироваться с классической музыкой, придавала охраннику несколько растерянный вид. Все-таки вечер был посвящен юбилею консерватории, а свои музыкальные склонности парень привык проявлять только на дискотеках методом притопывания ногой и редкими похлопываниями в ладоши.

Мою попытку пройти пресекла его мощная рука, преградившая дорогу с уверенностью шлагбаума, опустившегося перед велосипедистом.

– У вас есть приглашение? – спросил он таким тоном, который подразумевал исключительно фразу: «Пшел отсюда».

Подобные интонации, чаще всего вызывают у меня желание предъявить пропуск, предварительно измотав нервы вопрошающего, однако, сейчас я был в настроении поразвлечься другим способом. Конечно, благородные черты моего лица и наряд плейбоя никак не соответствовали представлению швейцара о видном деятеле культуры или бедном музыканте. Первый должен иметь типичную красную толстокожую физиономию чиновника, дорогой костюм, молодую любовницу с ярким макияжем и свеженарезанной прической. Второй тип – это скорее худощавый, бледноватый, с тонкими пальцами музыкант, вдетый в прокатный фрак и несуразные туфли пятилетнего срока эксплуатации.

Вместо приглашения на вечер, организованный Министерством культуры, я достал стодолларовую купюру и протянул ее швейцару. Расставаться с только что созданной бумажкой было не жалко, все равно он пропьет эти фальшивые деньги в конце недели, споив вдрызг какую-нибудь девицу, в попытке доказать свою мужскую состоятельность. Еще веселей будет, если при попытке обмена денег, ему коротко укажут, куда он может разместить эту купюру для получения максимального эффекта.

Меня оглушил скрип, с которым мозги парня просчитывали два варианта дальнейшего развития событий. Само собой, в его голове кружили более оптимистичные планы по использованию взятки. Разум вышибалы победил страх добросовестного работника – парень забрал деньги, воровато оглядываясь, и молча посторонился, разрешая мне зайти внутрь.

В банкетном зале было весело и шумно. «Деятели культуры» уже порядком разогрелись, проглотив первую дозу спиртного вместе с помпезными речами, отметившими «высокий вклад в..», «большие достижения в…", «неоценимую роль в …". Народ приступил к реализации программы на вечер: одни, с возрастающей, по мере выпитого, уверенностью, заправлялись алкоголем и набивали себе желудки деликатесами. Другие совершали маневры по залу, целью которых было приблизиться к высокопоставленным гостям, дабы добиться решения своих проблем в атмосфере, позволяющей предложить конкретные услуги (взятку)

за не вполне конкретную помощь. Третья категория – это «тузы». Они вальяжно стояли на равномерном удалении друг от друга, образовывая вокруг себя скопления мелких чиновников, а иногда беседовали друг с другом, при этом чиновники создавали окружность с диаметром почтения. Жены и любовницы «тузов», распушив хвосты, щеголяли друг перед другом своими атрибутами высшего класса. Их разговоры, по большей части, сводились к колкостям в адрес своих мнимых (кино- и поп- звезд, манекенщиц) и реальных соперниц, кроме того, они не забывали хвастать тем, как потратили или собирались потратить деньги своих мужчин. В общем, светская жизнь шла своим чередом.

Тело человека, помимо таких недостатков, как чрезвычайная хрупкость и ограниченность чувств восприятия окружающего мира, имеет также свои положительные качества – оно способно находить удовольствие в употреблении физической пищи, кроме того, в теле человека можно получить удовольствие от занятия сексом. Второй аспект меня сейчас не интересовал, но вот от кусочка красной рыбы и литра-другого спиртного я не возражал. Поэтому вначале я съел пару бутербродов, а затем, потягивая из высокого бокала смесь мартини с водкой, неспешно направился к человеку, ради которого, собственно, я посетил этот фуршет.

Это был один из основных «тузов» сегодняшнего вечера – большая шишка в мире музыкальной культуры отдельной страны. Кстати, именно благодаря мне он стал таким важным человеком. Его боялись, перед ним лебезили, добивались его благосклонности, и, может быть, даже уважали.

– Здравствуйте, Лев Сергеевич, – ласково поприветствовал я его, подойдя поближе и, отодвинув в сторону какого-то чинушу, который только что взахлеб расписывал окружающим (читай: информировал босса) недостатки своего коллеги. Обиженный чиновник хотел было что-то возразить, но я, не оборачиваясь, подавил его волю. Вообще-то, там и подавлять было нечего.

– Здрас'е, – автоматически бросил в ответ Лев Сергеевич, благосклонно одаривая меня своим величественным взором. Едва он узнал меня, как по его лицу пронеслись цветными волнами все известные мне негативные человеческие эмоции – от зеленого страха и растерянности до бордовой ненависти и презрения.

– Я…, я…, мы… с вами…, кажется, знакомы…, встречались, – запинаясь, с надеждой в голосе на обратное, произнес он.

– Да, да, да, – радостно подхватил я, – знакомы. У нас с вами даже было общее дело, которое закончилось вполне успешно, не правда ли?

Глаза Льва Сергеевича закатились, и я услышал его внутренний стон. Обступавшие нас чиновники затихли, пытаясь адекватно оценить ситуацию, приняв правильное решение – наброситься стаей на меня, дабы защитить туза или лебезить передо мной, как перед сильным мира сего. Наконец, клиент пришел в себя. Натянуто улыбаясь, он царственно махнул рукой своей свите «кыш» (очень эффектно), другой рукой взял меня под локоть и потянул в сторону свободного от людей банкетного зала.

– Я, так понимаю, молодой человек, что у вас есть определенные требования по отношению ко мне, – начал он, бестактно назвав меня «человеком», да и возраст мой вряд ли можно охарактеризовать как «молодой».

– Да, есть. Кстати, вполне определенные требования, иначе меня бы здесь не было, – заметил я.

Он скривился после моих слов, но продолжил в прежнем духе:

– Должен заметить, что наша договоренность… м-м наше общее дело, как вы выразились, вряд ли можно считать успешно проведенным. Лично вы отнеслись к своим обязанностям весьма халатно, поэтому я склонен полагать, что со своей стороны я ничего вам не должен.

Мне стало скучно, нахлынул поток старых воспоминаний – опять та же песня, сколько раз я ее уже слышал. И сколько раз еще услышу?

– Не морочьте мне голову, – раздраженно отрезал я, допивая свой коктейль.

– Посудите сами, – пустился он в софистику, не подозревая, что это был мой любимый конек. – Вы обещали сделать меня самым видным композитором страны, обеспечить меня колоссальным богатством и властью, создать мне всемирную известность, а также способствовать моей женитьбе по любви.

– Ну, ну. Вы считаете, что я не выполнил обещанного?

– Именно! Во-первых, я, конечно, известный композитор, однако, за всю свою жизнь я не сочинил такого шедевра, который бы по достоинству оценила публика…

– А вы?

– Что я?

– А вы по достоинству оценили какой-нибудь свой шедевр?

– Э-э… Речь не во мне. Продолжу. Во-вторых, нынешнее положение мне пришлось достигать собственным упорным трудом, вашей существенной помощи, здесь, я не ощутил. Пришлось пробиваться год за годом по ступенькам успеха, постоянно преодолевать сопротивление недоброжелателей и завистников…

– Как же, помню некоего Котвицкого Сергея Евгеньевича, злостный был тип, в двадцать лет уже симфонии писал, критиковал вас по чем свет стоит, а вы его из Союза композиторов того… Сейчас он в Италии дирижерством балуется…

– На что вы намекаете? – грозно перебил меня Лев Сергеевич. – Мы сейчас говорим о вас и о вашей халтурной работе. Котвитцкий, кстати, одно из ее проявлений. Если хотите, могу вам рассказать один случай, доказывающий, что это был редкий мерзавец.

– Не стоит. Лучше продолжайте перечислять мои нарушения договорных обязательств. Думаю, у вас припасен целый список.

– Так вот, м…, ага, в-третьих, я далеко не так богат и знаменит, как предполагалось в Договоре. И, наконец, можно ли назвать эту стерву-жену моей идеальной парой. Где же любовь? Все ее внимание ко мне ограничивается претензиями по разным поводам и заглядыванием в мой бумажник. Я даже не могу быть абсолютно уверенным – своих ли детей я воспитываю.

– У вас все? – я немножко разочаровался, поскольку ожидал более серьезных доводов.

– Практически все. Но я точно сейчас не помню, возможно, в Договоре были и другие пункты, которые вы не выполнили. Хотя и перечисленных будет достаточно, для расторжения Договора, – уже с чувством некоего превосходства закончил он.

– Вы хотите сослаться на пункт 12, гласящий, что «в случае, невыполнения Исполнителем своих обязательств или нарушения оговоренных в Договоре сроков, Заказчик имеет полное право на одностороннее расторжение Договора».

– Вот именно! – изрек «заказчик», с видом шеф-повара, блестяще приготовившего свое фирменное блюдо.

– Понятно, – желания сотрясать воздух пустыми словами у меня не было. Я достал из воздуха свой экземпляр Договора и вслух зачитал спорные пункты:

– «Исполнитель обязуется предоставить:

1. Место первого композитора в своей стране…» – сейчас вы Председатель Союза композиторов, не так ли?

– Да, но…

– Без «но»! Продолжаю: «…2. Материальный достаток высшего уровня, позволяющий удовлетворить любое доступное за деньги желание Заказчика…", – какое же ваше желание осталось неудовлетворенным?

Лев Сергеевич замешкался:

– Ну, я так сразу не могу сказать, но… вот, к примеру, у меня нет своего самолета, а мне всегда хотелось его иметь.

– Не смешите меня, если бы хотелось – вы бы купили. У вас на счетах двух швейцарских и одного кипрского банках скопилось 20 525 000 американских долларов. Могу напомнить, также, ваш гараж на даче с чудным шкафчиком, скрывающим сейф с кодом ТНК 4721 (Татьяна Николаевна Карпенко, полагаю, – ваша первая любовь), что символизирует число, признаю, не догадываюсь. В этом сейфике хранится э…

– Я сам знаю, сколько там, – грубо перебил он меня, заливаясь бордовой краской ярости и праведного гнева.

– Так вот, мой дорогой клиент, – спокойно продолжил я. – Этих денег вам вполне хватило бы на самолет. Зачем же мне подкидывать вам еще деньги, если вы их не тратите, а скапливаете на счетах. Если же у вас есть желание почувствовать себя самым богатым человеком в мире (хотя до сих пор, вы это желание не изъявляли), то я могу прямо сейчас дать вам чек на любую сумму с одиннадцатью нолями. Можете подержать его в руках и утешиться. Так что можно признать тот факт, что все ваши желания материального плана удовлетворены: вы сыты, хорошо одеты, имеете три машины, шофера, ваши дети учатся за границей, а жена изнывает от невозможности что-то купить, поскольку у нее все есть.

Что же касается вашей жены, то пункт 3 оговаривает следующие условия: «Предоставить возможность жениться на любой женщине, которую Заказчик сам изберет». Выбор был сделан вами, а мне даже не пришлось подталкивать вашу избранницу на брак, поскольку вы скорее купили ее своими подарками, чем покорили как мужчина. За вашу глупость я не несу ответственность. И то, что теперь она тратит ваши деньги на содержание молодых любовников, это, знаете ли не мои проблемы…

– Я так и думал, что она позарилась на мои деньги, – яростно прохрипел он. – Стерва! Ну, погоди, я с тобой еще рассчитаюсь.

– Чуть не забыл относительно пункта о вашей мировой славе, – я решил пройтись по его самолюбию дальше. – Если вам не хватает вашего участия как одного из организаторов мировых турне отечественных звезд, директорства в международном фонде, должности заместителя министра, постоянного участника множества международных форумов, то я могу увеличить вашу известность, обнародовав данные о ваших счетах и причастности к разворовыванию денег, как фонда так и государства. Если же вспомнить созданную вами систему взяточничества в гастрольной деятельности, потоки денег, выделенных на ремонты театров, в личный карман, то…

– Скотина, – зарычал он, надвигаясь на меня с видом берсеркера, – да я тебя своими руками…

– Последнее, что я тебе скажу, Лева, что 30 лет тому назад ты все же был человеком, ты мог бы сам по-другому построить свою жизнь, но это был полностью твой выбор. Кстати, об итогах – твой младшенький действительно не твой, а одного симпатичного студента. Тоже мой клиент, идет по твоим стопам, – с ухмылкой закончил я свой приговор, не удержавшись напоследок от язвительного выпада в сторону неблагодарного клиента.

Развернувшись, я неторопливо пошел заправляться спиртным, полностью в мыслях переключившись на создание коктейля из водки с шампанским и двумя видами коньяка. Интересный рецептик, скажу я вам, мне его подкинул один толковый бард…

Лев Сергеевич остался стоять на месте в виде сомнамбулы, которая флегматично потягивала напитки, односложно отвечая на вопросы. Его душа уже была скована обязательством перед Адом. Через три часа по дороге домой он умрет от кровоизлияния в мозг, сидя на заднем сиденье собственного автомобиля. Меня он больше не интересовал… Разве что, похороненные им деньги можно было бы пристроить на новое дело.

Для кого как, а у меня все же был повод для праздника – очередной успех, очередная душа. Люди смертны, а их подобие Демиургу заключается не в том, что они имеют две руки, две ноги, голову и круглые уши (эта версия смешила даже ангелов. Какой идиот до этого додумался? Ведь всякий знает, что Бог не имеет материального образа), но подобен человек тем, что способен порождать новую, одухотворенную жизнь. Такое право Демиург дал только людям. Ангел не может породить ни ангела, ни человека, ни примитивного духа. Демон же ничем ни отличается от Ангела – ни происхождением, ни способностями к творчеству. Вот мы все: и Ангелы, и Демоны, охотимся на души. Мы не знаем смерти, но не знаем и рождения. Мы можем вселить в дерево дух, но не можем зародить семя с новым духом.

Нужны ли Раю души людей? Если нужны, то для чего точно я не знаю. Зато я знаю, что мы, Демоны, собираем из этих душ армаду Ада, готовясь к последней тотальной войне между Раем и Адом.

Раньше в контрактах не было необходимости, так как многие люди за свою жизнь накапливали такую карму грехов, отделив себя от мира, что Рай не мог их принять, даже сильно захотев этого. Черная душа опускается в измерение Ада, словно тяжелый камень, брошенный в воду озера. Только светлые души с чистым эфирным телом могут взлететь в Рай. Замарать душу может, исключительно, ее владелец. Это естественно, ведь человек сам выбирает себе путь – любовь к своим слабостям или любовь к окружающему миру. Тот, кто любит наслаждения, постепенно забывает о себе, как о Человеке в полном смысле слова. Ну не глупо ли любить то, что нравится телу, забывая о самом теле, и не глупо ли любить свою страсть к противоположному полу, игнорируя желания этого самого пола? Рано или поздно любовь к слабостям породит слабость – как телесную, так и душевную – и вот наш клиент, угробив оба тела, проваливается к нам, не имея сил взлететь к Раю.

Иисус сильно подпортил нам жизнь. После прихода Христа, все изменилось, человек получил возможность даже в последний момент своей жизни осознать свои поступки и выбрать другой путь, освобождаясь от тяжести своей черной кармы. Это было сильным ударом по Аду, но Сатана (как всегда весьма изобретательный) придумал договора, которые могут навсегда сковать душу. Теперь же после заключения контрактов, мы не боимся, что души вырвутся из наших объятий.

Самые лучшие из таких соглашений – это сделки с чистыми душами, которые меньше всего имеют шансов попасть в Ад. Более того, за такими душами, обычно тянется череда последователей. «Благими делами вымощен путь в ад» – это о них речь. Гоняться же за всеми людьми, в попытке заключать контракты, нет никакой возможности. Ведь необходимо выполнить свои обязательства по контрактам, что порой не так уж легко сделать. Нас демонов почти так же мало, как и ангелов, всего 666 – какое-то дурацкое число, по-моему. Остальные духи и прочая нечисть не имеет такую силу, чтобы удержать человеческую душу в рамках каких-либо поступков, они способны, в лучшем случае, склонить человека к тем или иным действиям, находя время от времени точки давления.

Продолжая поглощать изрядное количество спиртного, я неторопливо осматривал зал в поисках очередной жертвы. Где-то мелькнуло что-то светлое, достойное моего внимания, как вдруг ко мне подошел серенький типчик. Внешне он блестел, как новая кастрюля, приобретенная звездным мишеленовским рестораном. Будучи весь утыкан металлом, покрытый косметикой и лаком, он словно намеренно скрывал свое гнилое нутро, вызывающее отвращения даже у меня. Когда я в теле человека в мужском обличии, мне почему-то особенно противны такие люди. Возможно потому, что женское тело навевает на меня элемент легкомыслия.

– Добрый вечер, молодой человек (и этот туда же), – вкрадчиво проворковал он. – Мне кажется, что я вас видел в гостях у Стасика Виткевича в один из весенних праздников.

Конечно, я видел, зачем он подошел. Эти люди накапливают знакомства любыми способами, чтобы войти в богемную «тусовку». Но данный человек также не брезговал продавать информацию всем обо всех, «втекая» в доверие к человеку за счет общих знакомых. В общем, он уже был на дне, хотя считал себя близким к вершине. Бесполезный как клиент.

– Здравствуй, голубой незнакомец, – с дьявольской улыбкой ответил я, – Ты ошибся, это я тебя видел 8 марта у этого синего от голубых посетителей Стасика. Кажется, тогда твою наблюдательность сковывало некое неудобство сзади. Соответственно, гостям Стасика ты мало уделял внимания в тот вечер.

– Чего! Что за плоские намеки! – возмутилась «кастрюля».

– Вали отсюда, а то еще чего припомню, связанное с твоим благоустройством на теперешнюю работу, – развязно пообещал я, не убирая с лица доброжелательность.

Тип шарахнулся от меня и быстро растворился среди гостей. Я был раздосадован тем, что меня отвлекли от интересной цели – светлой ауры. Иначе, я бы привлек того субъекта к осуществлению какого-нибудь своего плана.

Я возобновил поиск замеченной мною ранее души. Наконец, увидел ее – это была девушка, подрабатывающая на этом фуршете официанткой. Удивительно чистая и сильная душа! Я видел ее желания, понял причины, по которым она здесь подрабатывает.

Вот ее детство, любимые куклы, первые косички на бантиках, первое осознание мальчиков, первые уроки в школе, первые оценки, первые книжки, первые жизненные цели, первое увлечение, первые разочарование, бунтарское пятнадцатилетие; окончание школы, слезы прощания с детством, упоение взрослой жизнью и тут же растерянность от незнания, как ею распорядиться; слезы первых горестей, учеба на юрфаке, стремление к независимости от родителей, вследствие чего она пришла подрабатывать официанткой в этот ресторан. И вот она несет бокалы.

Кто-нибудь из моих приятелей, возможно, предпочел бы задачу попроще – соблазнить серую душонку, которых было в изобилии на этом фуршете, превратив ее в черную, пропитанную ненавистью ко всем душу. Меня же всегда тянуло к сложностям в работе, преодолевая которые, получаешь несравненно более высокое удовольствие, чем, заниматься простым шлифованием готового изделия.

Стоило поработать в этом направлении. Для начала, конечно, необходимо выявить ее достоинства, чтобы на их основании строить комплименты. Внешние данные лично меня волновали мало, поскольку для их оценки приходилось слегка концентрировать свое внимание на физическом облике объекта. Хотя в человеческом теле это можно делать гораздо легче. Девушка была, безусловно, привлекательна (с точки зрения человека) – мягкие черты лица, гладкие пшеничного цвета волосы, правильные формы. Такие параметры позволяют льстить, особо не подбирая выражений. Это вам не кривоногая толстушка в очках, с желтыми зубами, единственным комплиментом для которой, может послужить фраза об ее удивительном обаянии.

Помимо этого, девушка нравилась мне самому. Не-е-т, для демона физические качества человека не играют роли. Ведь мы сами можем создать или изменить человеческий облик на любой вкус. Нам важна душа человека, ее неповторимый блеск, расцветка и энергетическая мощь. Впрочем, тяжело это описывать, пользуясь человеческим языком. Каждый демон видит в душе свои особенности. Как всем людям нравятся различные вещи, и симпатии к ближним у людей не совпадают, так и демонам нравятся разные души.

Эта девушка представляла собой прекрасный экземпляр для моей коллекции. Я подошел к ней в тот момент, когда она разливала по бокалам напитки, чтобы затем разнести их присутствующим.

– Здравствуйте, прелестная девушка, – вступил я в разговор, едва приблизившись к ней.

– Добрый вечер, – отозвалась она, одарив меня дежурной улыбкой обслуживающего персонала.

– Не хотелось бы вас отвлекать, но мне жуть как хочется услышать ваш голос. Помните в басне у Крылова желание лисицы, только в положительном варианте?

– Для кого?

– Что для кого?

– Для кого в положительном варианте? Я что-то произнесу, и вы что-то украдете у меня? – задала она вопрос в самую точку.

– Нет, конечно. Что мне у вас красть? Тем более, что я уже услышал ваш голос, и, надо отметить, он так же прекрасен, как вы сами.

В ответ она молча пожала плечами, демонстрируя свое полное безразличие ко мне как к мужчине, но готовность помочь как клиенту. В тот момент мне было достаточно того, что на меня обратили внимание. Все же для усиления восприятия моего образа, я предложил:

– Давайте, я помогу вам разносить бокалы, а вы будете со мной общаться?

Помогло. Ее зрачки расширились от удивления и она, наконец-то, заметила меня.

– Спасибо, конечно, за оказанную честь, но я сама справлюсь – это же моя работа, – ответила она.

– Ну, пожалуйста, разрешите! – взмолился я, мнимо обижаясь. – Вот так всегда, встречаешь красивую девушку, просишь быть ей полезным, а она тут же сообщает, что справится одна. Обидно! Ну, хорошо, если вам понадобится моя помощь, сразу же дайте знать.

– Договорились, – шутливо согласилась она.

– Значит, сигнал будет таким – как только я понадоблюсь, вы поднимаете руку. Хорошо?

– Конечно, – ответила девушка и двинулась с бокалами в толпу.

Чему я научился во флирте за свои тысячи лет жизни на Земле, так это тому, что спешить, никогда не стоит. Люди часто суетятся, чтобы их заметили, но в итоге только суета и запоминается.

Теперь у меня было свободное время, и я решил заняться другими гостями. Наметив себе цель в виде ярко одетой женщины с пышной прической, тяжелым набором металлов на конечностях и обильным макияжем на лице, я направился к ней. Она стояла в окружении трех мужчин, чьи интересы мне были понятны так же, как и ее, но мне было приятней работать все же с женщиной.

Исследовать ее мыслеформы было достаточно простым делом. Женщина представляла собой ту категорию людей, рассуждения которых усложняются вплоть до возраста полного полового созревания. Дальше человек использует, в основном, только одни шаблоны и стереотипы. Так проще. Нестандартные мысли очень мешают, сбивая с привычного ритма жизни. Нестандартные мысли могут привести к перемене жизненных ценностей и приоритетов. Нестандартные мысли могут разогнать привычный круг знакомых, спугнуть стандартную удачу, заставить поднять глаза и взглянуть в глаза правде жизни, требующей удовлетворения духовных запросов, вместо привычного прозябания в уютном жилище с хорошим питанием. Впрочем, для того, чья голова не засорена лишними раздумьями, выходящими за рамки стереотипов, «правда жизни» заключена именно в хорошем питании.

Судьба этой женщины достаточно легко читаема: дочь учительницы пения и рядового инженера, окончила музыкальное училище, консерваторию; первый муж был из той же консерватории, от него и ребенок, сейчас замужем за мужчиной, который старше ее на 8 лет – чиновник из Министерства культуры, страшно ревнив. Сама женщина, вполне выглядела на свои 31 год, была с претензией на красоту и достаточно сексуальна.

Да, здесь был другой случай – это не работа с юной чистой душой, наполненной юношеским максимализмом, а значит, действовать необходимо по-другому. Я спрятал обе руки за спиной, скрывая их от окружающих. Когда же достал их, то на запястье правой красовался широкий золотой браслет, усыпанный бриллиантами, состоящий из двенадцати пластин, каждая из которых содержала рисунок одного из подвигов Геракла. Браслетик был не просто красивой игрушкой, заурядной штамповкой, а настоящее произведение искусств. Принадлежал он когда-то Египетскому фараону Птоломею XIII, последнему из династии Птоломеев, ведущих свой род от Птоломея I Лага, соратника и полководца Александра Македонского. Этот браслет исчез при загадочных (для историков) обстоятельствах, в день, когда фараон умер, оставив трон моей подруге и своей сестре Клеопатре.

На мизинце правой руки у меня появился перстень с голубым сапфиром. Он тоже был дорог мне. Дорог как память о Сапфо, поэтессе с острова Лесбос, где я бывал в женском образе. Славные были денечки, однако…

Мою левую руку украсили простые и незатейливые, с точки зрения высокого искусства, часы «Constantin Vacheron». Из нагрудного кармана выглянула ручка фирмы «Montblanc», а на серебряных пуговицах рубашки отчетливо проступила надпись «Versace».

Создав себе этот, необходимый для данного случая, антураж, я уверенно зашагал к новому объекту.

– Ба, кого я вижу! Тонечка, ты ли это? – воскликнул я, вскинул руки в приветствии.

Изумление на лице женщины проглядывало столь незначительно, что можно было подумать, будто она меня узнала. Отвечала она все же с легким удивлением:

– Похоже, что я. Однако, ваше имя я плохо припоминаю.

– Как же! Лену Зайцеву помнишь?

– Да, конечно, это еще в студенческие годы…

– Вот-вот, мы постоянно собирались у нее на даче. Я Саша. Помнишь, однажды летом, кажется, в августе, мы там, уединившись от всех, целовались с тобой? Потом я долго уговаривал тебя поехать ко мне ночевать, поскольку на даче было много людей и мало места, – напомнил я ей, взятые из ее же памяти, образы. Все это было на самом деле, вот только лицо того парня она точно забыла.

– Точно, я помню, – улыбнулась она от сладких воспоминаний. – Боже, сколько лет прошло, а наши шалости так отчетливо всплывают в памяти. Кстати, я тогда так и не согласилась поехать к тебе.

– Да, ты предпочла Юру Тешкова, а не меня, – сокрушенно сказал я.

Мужчины, стоявшие рядом, деликатно оставили нас в одиночестве. Похоже, им не улыбалась перспектива последующие полчаса выслушивать наши ностальгические «воспоминания».

– Ну, как у вас с Юрой? – поинтересовался я, делая вид, что не знаю ответа.

– Мы развелись.

– Давно? Ты сейчас свободна? – игриво спросил я.

– К сожалению, я уже замужем, – с печалью в голосе ответила она. Ох, уж эти женщины – бросаются словами, а потом мужчины должны ломать голову: «о чем это она сожалеет?».

– Вон мой муж, видишь? – показала она глазами.

– Тот с авторитетным взглядом в синем костюме, лысеющий и, судя по мимике, близорукий, по осанке – начальник, по животу и цвету лица – любит выпить и закусить?

– Очень правильное описание, хотя, по-моему, предвзятое.

– А, может, я ревную? Может, ты давно разбила мне сердце и оно никак не хочет успокоиться?

– Может или разбила? – кокетливо улыбнулась она.

– Еще как разбила! Вдребезги, – уверил я ее.

– Сочувствую.

– Ты не изменилась, Тоня, разве что стала более завораживающей, – с легким напором начинал атаковать я.

Похоже, ей это нравилось, ведь я был для нее только мужчиной – над нами не довлели служебные или бытовые перипетии, отягчающие взаимоотношения. К тому же я был для нее *любящим* мужчиной. Для покорения женщины, которая живет однообразной семейной жизнью, нет лучше подхода, чем притвориться ее обожателем. Создав противовес ее мужу, который в качестве комплимента чаще всего использует хвалебные фразы тем местам тела, на которых висят вещи, купленные им самим.

– Почему завораживающей? Что за слово? Может лучше употреблять слово «обворожительная»?

– Нет, именно, завораживающая. Я чувствую себя полностью во власти твоих чар. Как только увидел тебя, так не могу отвести взгляд. Ощущение кролика перед удавом, извини за сравнение. Хотя правильней нужно сравнивать мои эмоции с чувством ювелира, получившего для огранки редкий драгоценный камень. И смотрит он на камень, любуется, восхищается, не может оторвать взгляда, будто душа его заключена в том камне, словно недостижимое счастье скрывается за сверкающими чудесными гранями. Но, это лишь камень – у него нет чувств и нет ответного стремления. Приходится просто любить и восхищаться, испытывая щемящее чувство радости за мир, в котором есть это чудо.

– Ты женский ювелир? – хитро улыбнулась она, подсознательно пытаясь защититься.

– Нет, конечно. Но, оценить редкий камень я могу. Понимаешь, вот так живешь год за годом, происходят разные события, которые ты замечаешь, но они никак не сказываются на твоем душевном состоянии. Всегда кто-то приезжает или уезжает, что-то хорошо получается, что-то плохо. Но ничего особенного, волнующего кровь не происходит, ты смотришь длинный сериал без смысла и особых эмоций. Все ждешь чуда, восторга, но нет его. Прошел год, а из всех положительных событий, только Новый год и помнится. И тут, вдруг, встречаешь такую женщину как ты и сразу же понимаешь, для чего нужно жить, для чего ты столько терпел от жизни. Теперь уже не меньше месяца буду вспоминать нашу встречу и, сердце мое будет волноваться каждый раз, когда моя память оживит твой голос и взгляд. Надеюсь, ты меня не прогонишь за такие слова?

– Ну, пока еще ты мне не надоел, – обнадежила она.

– Конечно, я не надоел, поскольку такие речи ей давно уже никто не говорил. Затем, желая как-то скрыть смущение, вызванное потоками моего красноречия, она спросила:

– А чем ты занимаешься? Что-то я не припомню тебя в нашей среде.

– Да, так, вращаюсь в банковской сфере. Кредиты всякие, авали, векселя, платежки и проценты. Ерунда. Скучная жизнь, не то, что у тебя. Наверное, сплошные концерты и богемные вечера?

– Почти. Честно говоря, моя жизнь тоже не отличается особым разнообразием. Все те же люди, однотипные разговоры, иногда даже знаешь наперед, о чем будет разговор весь вечер, – вздохнула она.

– Тоня, как можно, – воскликнул я. – С твоей поэтичной натурой (это я так, с потолка, ведь каждый свою натуру считает поэтичной) и скучно жить! Похоже, муж твой совершенно тебя не ценит. Я бы на его месте не утомился придумывать, как разнообразить твою жизнь.

В общем, тактика моя была довольно банальна – используя присущую всем черту мышления о том, что «я достоин большего», внушить человеку, что в его серой жизни виноват кто-то другой и предложить «помощь» в раскрашивании событий.

– Знаю я вас, мужчин, – уже поощряя мой энтузиазм, сказала она, не замечая, как ломается ее защита. – Вы на словах все принцы из сказки, готовые убить дракона голыми руками, а на деле стремитесь спрятаться за женскую спину при виде малейшей опасности.

– Позор, позор на мою голову, коль внушил я тебе подобные мысли. Готов доказать обратное в любой момент, любыми средствами, – все напирал я, не забывая подливать спиртное в ее бокал.

– Возможно, ты хороший человек, Саша, но что ты будешь мне доказывать и зачем? – обреченным голосом спросила она, надеясь в глубине души на что-то особенное.

– Единственное, что я могу тебе доказать – это то, что ты неповторимая женщина, достойная самого лучшего в этой жизни, – убеждал я, будучи уверенным в обратном. – Хочешь, к примеру, провести выходные во Франции?

Ее глаза блеснули, но разум еще отказывался верить мне. Ничего, поправим. Еще спиртного в бокал.

– Ты серьезно? – спросила она.

– Конечно. Я бы всю жизнь тебя не отпускал, но, возможно, ты не согласишься. У меня же на эти выходные запланирована деловая встреча в Париже. Слетаем туда и назад? Ты не беспокойся, я тебе сниму отдельный номер люкс в гостинице.

– Как-то это слишком стремительно и неожиданно происходит, чтобы я вот так взяла и согласилась, – боролась она, но уже сама с собой.

Я достал из кармана чистый лист бумаги и протянул ей, внушая соответственный образ.

– Вот это мой билет в бизнес классе Air France. Возьми его себе, а я сейчас позвоню и перерегистрирую его. Себе я закажу другой.

Она попыталась что-то сказать, но я перебил ее:

– Визу я оформлю за пару часов. Надеюсь, у тебя есть загранпаспорт?

– Да, есть. Но ведь я же еще не согласилась…

– Ничего, захочешь, передумаешь. У тебя будет время подумать. Если пропадут билеты – это ерунда, хуже, если тебе не понравится в Париже.

– А когда лететь?

– Через неделю, в пятницу.

– А вдруг я буду занята и, что я скажу мужу?

– Придумаем тебе приглашение на конкурс, будешь участвовать в каком-нибудь жюри. Вариантов много. Даже видео участия нарисуем.

– Ну, может быть…

– Пойдем выйдем, мне нужно позвонить и дать твои анкетные данные для оформления визы, – закончил я процесс словесного совращения и потащил ее за руку в сторону выхода.

Выйдя из банкетного зала, мы спустились вниз, выбрали укромное место, став под лестницей, ведущей из гардероба, находящегося в подвале. Я достал сотовый телефон, набрал мнимый номер и передал трубку Тоне. Пока она надиктовывала свои анкетные данные, я неспешно поглаживал ее тело, заставляя привыкнуть к моим рукам.

Когда она договорила, я уже достаточно далеко продвинулся.

– Что ты делаешь? – томно спросила Тоня.

– Целую тебя, – ответил я, закончив фразу долгим поцелуем. Она слегка сопротивлялась руками, но ее губы шли мне на встречу.

– Здесь… подожди… люди, – задыхаясь, прошептала она.

«Продумано», – сказал я себе, заталкивая жертву в подсобку, находящуюся под лестницей, дверь в которую «случайно» оказалась открытой. Через минуту мы уже страстно целовались, руки мои беззастенчиво шарили под ее платьем. Незаметно и быстро я расстегивал пуговицы, обнажая ее плечи и грудь. Ощущение скользящей по коже одежды и спадающего

с плеч платья слегка ее отрезвили, однако, я так жадно начал целовать ее шею, что она вновь расслабилась. Когда Тоня оказалась обнаженной по пояс, я упустил ее на колени перед собой.

Вдруг «сквозняк» открыл дверь кладовки, впустив свет из коридора. В проеме двери стоял муж Антонины Владимировны…

…Я упивался их эмоциями. Это был такой колоссальный поток энергии, что рядом тут же появилась парочка бесов, пытающихся стащить кусок пищи с моего стола. Как шакалы вокруг льва, они кружили возле меня, ожидая, когда я насыщусь своей жертвой.

Общие неприятности и общий успех имеют одинаковую особенность – они объединяют. Так и личная беда сродни личному успеху – они отгораживают личность от других. Неприятность порождает зависть к чужому успеху, а успех развивает гордыню. Моя гордыня была на высоте. Я презирал бесов, пожиравших презренную жертву. Я на высоте, а все они у моих ног. Это была ступень к моему счастью демона, каким я его тогда понимал.

Глава 2

Настроение у меня было превосходное – работа спорилась. Разбить семью и внести в души супругов черное ядро ненависти друг к другу – такой успех приходил обычно после полугодичных стараний. Теперь один из них обязательно попадет к нам, построив свою дальнейшую жизнь на непроизвольном служении Сатане. Я решил не отпускать удачу и отправился к официантке, по пути снимая с себя все драгоценные побрякушки.

Она расставляла вымытые бокалы на полках бара, в котором, в отличие от банкетного зала, уже не было посетителей.

– Вы меня звали, вот я и пришел, – сказал я, появившись у нее за спиной.

Она вздрогнула, едва не уронив бокал. Повернулась ко мне и чуть испуганно произнесла:

– Разве я вас звала?

– Ну, да. Вы стоите с поднятой рукой, вам скучно, я пришел.

– Почему вы меня преследуете, вам что, гостей мало?

– Я здесь случайный посетитель, пришел по делу, знакомых у меня среди гостей нет, разговаривать с ними не о чем – вот, и получается, что лучший вариант хорошо провести время – это пообщаться с вами. Не прогоняйте меня, пожалуйста, разрешите, лучше я вам помогу, – жалобно попросил я.

– Но я же видела, как вы разговаривали с шикарной шатенкой. Она что – пренебрегла вами?

– Нет, у меня к ней было дело. Свои вопросы я решил и сразу пришел к вам. Давайте помогу, – ответил я, встав рядом с ней и начав расставлять бокалы.

– Как хотите. Я пойду, принесу еще бокалы, – почти равнодушно согласилась она и ушла.

Едва она вышла из бара, как я взмахом руки установил все бокалы четкими рассортированными рядами – не люблю физический труд, что уж тут поделаешь. Вообще, понятие «труд» у демонов имеет совершенно другое значение, чем у людей. Демон постоянно занят делом, не зная отдыха, ведь для него работа и есть отдых. Если посадить демона в клетку и запретить что-либо делать, то все равно он будет заниматься разработкой какого-либо плана. Его разум всегда должен работать. Тут дело не в фанатизме, а в жажде к жизни. Жить – значит мыслить и действовать. А мысли и действия разумного существа (демона, естественно) должны быть направлены на удовлетворение собственных потребностей, работа же есть ни что другое, как подтверждение этому. Поэтому я не мог понять большинства людей, которые всю жизнь занимаются порой не приносящим удовольствия и бессмысленным трудом.

– Ничего себе, как вы быстро справились! – воскликнула моя новая знакомая, едва зайдя в бар.

Я скромно потупил взор, мысленно виляя хвостом. Потом взял себя в руки и продолжил развивать успех:

– Мы еще не знакомы. Я должен ликвидировать этот недостаток, предположив по вашим глазам, что вас зовут Ира, – нарочно ошибся я, давая ей тему для разговора.

– Вы, наверное, где-то подслушали, как меня называли наши ребята, но мое правильное имя – Кира, – улыбнулась она, радуясь своей догадливости.

– Ой, действительно Кира, – воскликнул я, продолжая свою игру. – В полумраке я спутал цвет глаз, они у вас серо-зеленые, а не серо-голубые. Мой любимый цвет глаз, кстати.

– А разве по цвету глаз можно определить имя?

– Не просто по цвету, а еще по сочетанию расположения глаз, их форме, пропорции зрачка и глубине взгляда, – уверенно заявил я.

– Похоже, что вы врете не краснея.

Я засмеялся, она улыбнулась.

– Кира, похоже вы не самая доверчивая девушка на свете.

– Возможно, но и вы не самый простой человек. А как, кстати, вас зовут – вы не представились.

– Марк.

– Ну, вот, мы и познакомились, теперь никто не скажет, что я разговариваю с незнакомым мужчиной.

– Как это вы точно заметили, Кира! – воскликнул я, внутренне насторожившись, – похоже, девушка начала воспринимать меня как приятного человека, а не как самца-мужчину. Это значило, что она легко может мне доверять свои тайны, но будет очень недоуменно воспринимать мои старания по физическому сближению с ней. А это уже другая тактика завоевания души, требующая больших затрат времени. Я слегка растерялся, решая как мне дальше поступать.

– Скажите, Кира, а вам нравится современная классика? Может кто-то из наших композиторов, их вон здесь сколько – аж двадцать пять штук? – спросил я, решив пока придерживаться нейтральной тактики.

– Честно говоря, я вообще никого из них не знаю, – серьезно ответила она. – Мне кажется, что они друг для друга пишут симфонии, а потом рецензии на них. Так сказать, обеспечивают работой сами себя. Может, я ошибаюсь? Вы ведь из их круга, как вы считаете?

– Полностью с вами согласен. Меня тоже забавляет подобный круговорот. Порой не понимаешь, что же для них первично – звук музыки или мероприятия, окружающие этот звук. Только я не из их круга, хоть и прекрасно осведомлен во всей этой кухне. Я вообще близок к людям искусства, можно даже сказать, что это моя специализация.

– А кем вы работаете?

– Ну, я свободный предприниматель, своего рода продюсер. Организовываю приглянувшимся мне людям достойное будущее, – ответил я, практически, честно.

– Интересно. Вы из тех акул шоу-бизнесса, что зажигают звезды? Продаете искусство, раскладывая шедевры классиков рингтоны?

– Нет. Вы не поверите, но я считаю, что искусство и бизнес – разные вещи. Можно заниматься искусством и пытаться заработать на этом деньги, но нельзя с помощью денег создать искусство. Всегда были придворные капельмейстеры, работающие по заказу за хорошие деньги, но они создавали лишь легкие мотивчики, ушедшие в небытие. И вы правы, скажу вам по секрету – легкая современная музыка построена на девяносто процентов из тех старых, забытых всеми мотивах, даже у наших классиков есть кое-что оттуда…

– Откуда вы знаете?

– Я же говорил вам, что это моя специализация. При наличии инструмента я вам чего-нибудь наиграю, из придворного прошлого, перешедшего в современность. За всю историю человечества было столько всего сочинено! А сколько написано под заказ различных правителей только для какого-нибудь дня рождения! Но, вы знаете, при всем богатстве музыки, появлялись такие люди как Моцарт или, скажем, Бородин. Они писали музыку только по велению сердца, деньги не могли ни стимулировать их, ни помешать создавать шедевры. Это были великие души, которые не продавались за кусок желтого металла, так как их счастье было в их творчестве… В общем, это не интересно…

Я замолчал, ощущая, что говорю лишнее. Это была глупость с моей стороны – самому затронуть свое больное место. Неудача с Моцартом сильно выбила меня из колеи, прошло уже более двухсот лет, а я не мог успокоиться. Даже моя попытка обмануть его, заказав

«Реквием», оказалась неудачной – по сути, заказ не был выполнен, а «Реквием» пришлось оканчивать некоему Зюсмайеру.

– Почему же, очень интересно. Я даже не задумывалась раньше о музыке с этой стороны. Всегда просто слушала и все – нравится или не нравится, больше никаких размышлений. А вы сами, на каком инструменте играете? Ой, может вы современный композитор? – с детским интересом спросила она.

Мелькнула мысль похвастаться, но рассудок остановил этот порыв, и я уклончиво ответил:

– В общем-то, я на многих играю, но лучше послушать музыку и исполнение, чем говорить без конца о ней. Предлагаю: как только вы освободитесь, съездим в мой любимый ресторан. Там есть рояль. Я вам чего-нибудь исполню. Едем?

Она неуверенно посмотрела на меня, видимо измеряя уровень опасности. Я поспешил ее успокоить:

– Не беспокойтесь, мы буквально на часик заедем, а потом я посажу вас в такси. Никаких ночных брожений в поисках приключений. Мне все равно здесь было страшно скучно, не хочется так заканчивать вечер.

Вдруг мне показалось, что рядом с нами кто-то есть. Но человеческое тело мешало мне определить – ошибся я или нет.

– Я не знаю, родителей не предупредила, и с вами мы, практически, не знакомы…

– Что вы, Кира, я же вас не ночевать к себе домой зову, а только в ресторан заехать, причем, в центре города. И выпивку вам не стремлюсь навязать, это уж как сами захотите. Едем?

Она задумалась на минуту. Я вновь ощутил присутствие постороннего и тут же потерял это чувство.

– Согласна, но только давайте придерживаться трех условий: во-первых, едем не более, чем на час; во-вторых, вы сажаете меня в такси и я еду домой сама; в-третьих, не пытайтесь меня споить.

– Договорились.

– Хорошо. Моя смена заканчивается через двадцать минут.

– Все эти двадцать минут я в полном вашем распоряжении, Кира, – галантно сказал я.

Через три часа я вез ее к себе домой, упоенную музыкой и моим красноречием, опьяненную дорогим старым вином, которое я подливал в огромных количествах, и которое само по себе коварно тем, что не ощущается градус, но очень прельщает вкус. Всю дорогу мы бесконечно болтали об искусстве, смысле жизни, море, цветах и прочей ерунде. Я не давал ей опомниться, главное было затащить ее к себе в жилище. Поводом было то, что у меня дома есть скрипка и я могу наиграть некие интересные мелодии из Паганини и Вивальди.

В действительности, конечно, я вез ее домой с одной целью – овладеть ее телом, напиться ее эмоциями, а затем открыть ей глаза на правду моего (мужского) поведения, а следом заставить возненавидеть мужчин и весь мир. Эту ненависть год за годом будут подкреплять другие духи-шакалы, питаясь ее негативными эмоциями и, совращая ее душу в сторону служения Аду. Я собирался сделать настолько черной ее душу, чтобы даже легион ангелов не мог поднять ее выше шестого круга Ада.

Собственно, падение в Ад, понятие весьма условное. Дело в том, что Демиург создал мир с пятнадцатью основными измерениями. Среднее измерение – это мир людей. Его «окружают» семь измерений Ада и семь Рая. Все названия, естественно, условны. Чем дальше вы продвигаетесь в измерении Ада, тем «плотнее» становится ваше эфирное тело. В мирах Рая все наоборот – физическое тело по легкости сравнимо с эфирным в мире людей. Средний мир – это баланс плотности этих измерений. Демону и ангелу все равно где нахо-

диться, но душа человека, конечно, тем лучше себя чувствует, чем меньше у нее плотность. Отсюда и берет свое начало реклама Рая ангелами…

Когда мы, наконец, подъехали к моему дому, Кира взяла меня за руку и, посмотрев в глаза, вполне трезво спросила:

– Марк, скажи честно, ты действительно привез меня к себе, чтобы сыграть на скрипке? Я же не идиотка, таких мужчин нет, не так ли?

Я понял, что она готова уехать прямо сейчас, необходимо сказать что-то особенное, что ей не покажется ложью, но и не будет сковывать меня. Все ж я не вчера родился и поэтому ответил:

– Честно, Кира? – задал я любимый вопрос всех коварных лжецов.

– Честно, – попалась она.

– Я не могу позволить так быстро закончиться этому необыкновенному вечеру, я не могу просто так дать тебе уехать, я не могу расстаться с тобой, не проявив себя с хорошей стороны. И я готов играть тебе хоть всю ночь, лишь бы ты была счастлива, а я был причастен к твоему счастью.

– Не слишком ли пафосно? – вдруг совершенно трезво спросила Кира. Уже который раз за вечер она меня обескуражила. Что же это за женщина такая?

– Веришь ли, Кира, – начал отвечать я, лихорадочно нащупывая тонкую грань между ложью и правдой. – Находясь в мире музыки, я очень давно не встречал людей, которые просто ее любят, а не рассматривают как бизнес. Я так скучаю по простому погружению в искусство, что встретив тебя, попросту не могу отказать самому себе в таком удовольствии.

Она посмотрела на меня таким взглядом, что у меня мурашки прошлись по коже.

– Пойдем, – наконец сказала Кира таким тоном, что мне показалось, будто бы соблазнили меня.

Этой ночью скрипку в руки я так и не взял…

Когда под утро Кира проснулась, у меня уже полностью созрел план дальнейших действий. Возможно, на меня все-таки повлияло спиртное, возможно, мне-человеку даже понравилась Кира в сексуальном плане, но я решил дать ей отсрочку на один день, чтобы провести с ней еще одну ночь. По сути, я не противоречил сам себе, так как, проведя с Кирой еще одну ночь, я привяжу ее к себе еще сильней, что позволит мне выполнить свою работу с большим коэффициентом полезного действия. Кроме того, возможно, она после выпитого спиртного плохо осознавала свои действия, а мне нужна ясность ее сознания, свободные и трезвые поступки.

Мне необходимо, чтобы она не злилась на себя за необдуманные действия, но ненавидела мир за его подлость и жестокость, мне нужно было, чтобы она стремилась отомстить миру за свои обиды. Ничто так не провоцирует ненависть к миру и любовь к себе, как месть. Она такая сладкая, такая пьянящая, она растекается по сердцам всех, кто встречается на пути. Это древняя истина – зло всегда порождает само себя. Чем большее зло ты посеешь в сердце человека, тем больше зла он принесет окружающим. Зло должно исходить из внешнего мира (то есть от меня) чтобы вернуться в мир человеческий, там, где меня не будет.

Чтобы усилить впечатления девушки, я решил продолжить для нее праздник, привязать надежней к себе. Если выражаться понятней, то я влюблял Киру в себя. Не зная другой любви, кроме любви к себе, я знал, как ее разогревать в людях. Может, я инициировал и не столь сильное чувство, как любовь Петрарки к Лауре, но влюбленность-то я мог пробудить.

Едва она проснулась, я сварил кофе и принес горячий завтрак в постель.

– Как ты себя чувствуешь, Кира? Мне кажется, что мы вчера немного перебрали спиртного, – заботливо поинтересовался я, акцентируя внимание на слове «мы».

– Спасибо, очень плохо.

– Поешь, это поможет справиться желудку с алкоголем.

– А ты?

– Я по утрам пью только кофе, – скромно ответил я. Не буду же я рассказывать ей, что для меня нет понятия «утро», так как я не сплю вообще – разве что даю телу человека немного отдохнуть, выходя из него ночью, когда работы на этом краю земли мало.

– Так это ты для меня завтрак приготовил? – спросила Кира голосом восторженного ребенка, который не может поверить в свое счастье.

– Да, радость моя, да. Хотел тебя порадовать. Мне так приятно, когда ты улыбаешься, радуешься. И вообще, приятно ухаживать за тобой.

Я взял Киру за руку, поцеловал ее, затем прижал к своей щеке и нежно продолжил:

– Мне не хотелось бы, чтобы твои руки страдали от приготовления еды, стирки и мытья посуды, мне даже дико думать о том, что эти руки могут заниматься черновой работой. Когда я их касаюсь, то все неудачи кажутся мне мелочами, недостойными серьезного внимания – я чувствую лишь тебя, твое тепло, чувствую блаженство быть мужчиной, человеком. Не представляешь, насколько приятно готовить для тебя. Как хорошо, что есть ты и, что я тебя встретил. Пусть твоя жизнь будет праздником, хотя бы когда мы вместе, – я замолчал, сделав эффектную паузу, продолжил чуть испуганно. – Смею ли надеяться, что еще увижу тебя?

– А ты точно хочешь этого? – спросила она, затаив дыхание и не смея дотронуться до завтрака.

Я закрыл глаза, склонил голову на ее ноги, укрытые одеялом, и печально ответил:

– Хочу ли я? Странный вопрос. Хочу ли я дышать, хочу ли я смеяться? Мне даже тяжело задумываться над этим, ведь, честно говоря, я не могу себе представить, что вижу тебя в последний раз. Что я буду делать, когда ты уйдешь, чем заполнить день, чтобы дождаться встречи с тобой? Вот об этом я все утро думаю, ты же спрашиваешь – хочу ли я тебя увидеть.

– Марк, я никак не могу привыкнуть к твоей манере выражаться. Такое ощущение, словно ты случайно попал сюда из позапрошлого века, – с нежной улыбкой заметила Кира. Ее интуитивные догадки как всегда были верны, однако уровень критичности ко мне заметно снизился.

– Тебе не нравится моя привычка говорить так, как я думаю?

Она посмотрела на меня так, словно я был школьником. Появилось такое ощущения, что она втолкнула в меня поток светлой энергии. И хуже того, мне кажется это понравилось.

– Ты хороший. Мне все нравится в тебе. Я просто не могу поверить, что это реально происходит. Словно… – она запнулась на несколько секунд, явно подбирая слова так, чтобы меня не обидеть. – Словно ты угадываешь мои мысли и желания еще до того, как я сама их начинаю осознавать.

– Как ни странно, но я могу сказать о тебе то же самое, – ответил я почти правду. Или правду? Пора было выбираться из этого разговора и ясно посмотреть на свои ощущения. Потоки света рвались из души Киры и все больше меня окутывали. Я не человек, а потому у меня это вызывало чувство страха. Сказал бы животного страха, если бы я не мнил себя полубогом.

– Мы сегодня вечером встретимся? – решил конкретизировать я.

– Да.

Я радостно закивал головой и заботливо напомнил:

– Ты кушай, кушай, я старался для тебя.

После того как она поела, я вызвал по телефону такси, провел Киру к машине и вручил ей букет свежих роз, которые «случайно» продавала у подъезда уличная торговка. Провожая

девушку, я не уставал напоминать ей о своем желании видеться с ней каждый день. Кира вся светилась от радости, возбужденная и полная новых ощущений она уехала домой. Я же отправился назад к дому, предвкушая вечер, насыщенный развлечением для нас и, последующее утро ее горя, а значит моего наивысшего наслаждения своей работой.

Хотя что-то мне мешало, какое-то смутное ощущение, словно я играю на чужом поле в игру, правила которой мне не знакомы. И это стороннее присутствие…

На скамейке около моего подъезда сидел никто иной, как Сатана. В человеческом обличии он выглядел как интеллигентный мужчина тридцати лет, в сером костюме из хорошей ткани и в безупречно повязанном на идеально белой рубашке галстуке. На носу красовались очки в платиновой оправе, к дужкам которых была прикреплена золотая цепочка, обхватывающая его шею.

В представлении людей, Сатана носит разные имена (Дьявол, Ахура, Иблис и тому подобное), не подозревая, что в именах скрыты скорее функции, чем персона. В отличие от остальных демонов, он не скрывает своих имен, а наоборот, афиширует их. Это не допотопное тщеславие, а всего лишь проявление могущества Дьявола. Каждое имя порождает разный поток страха в разных культурах. Иногда люди это называют эгрегором, поглощающим человеческую энергию, навязывающим специфические желания и мысли.

Рядом с Сатаной сидел громадный пес зловещего вида, который был на самом деле духом, питающимся только ненавистью. Для человеческого глаза это была ужасная смесь собаки и тираннозавра размером с теленка. По мне, так странное сочетание, по городу проще ходить с бультерьером – он маневренный и прохожие шарахаются. Зачем создавать такую элегантность, чтобы следом обезобразить свой стиль уродливым спутником- но кто поймет этого Дьявола?

– Здравствуй, Воле, – поприветствовал он меня.

– Привет, Иблис. Какими судьбами и зачем с тобою этот монстр? – сухо ответил я. – Твой наряд и эта зверюга вступают в диссонанс с моим чувством эстетики.

Собака от моих слов зарычала и, низко опустив голову, стала медленно приближаться ко мне, не спуская своих черных глаз с моего горла.

– У-у, цуцик грозен, – подзадорил я пса. – Похоже, он домашнего кота даже сможет напугать своим…

Не успел я закончить фразу, как зверь прыгнул. Человек, моргнувший в миг прыжка зверя, мог бы и не заметить его полета от земли до моего горла. Но пес-то понимал, с кем имеет дело, поэтому пытался ускорить свои движения, даже превышая обычные возможности физического тела собаки. Моя реакция демона все же была лучше: развернув тело в сторону, уходя с линии атаки, я ударил кулаком снизу в подбородок собаки. Пасть ее захлопнулась коротким лязгом, тело, сделав сальто, ударилось хребтом об асфальт. Пес, быстро вскочив на ноги, попытался еще раз броситься на меня, на этот раз, стремясь ухватить меня своими окровавленными клыками за ноги, но я приложил его ударом сверху в основание черепа, а затем схватил его за загривок и отшвырнул на десяток метров. Пролетев мячиком через дорогу, идущую вдоль дома, он врезался в дерево, сполз по стволу и там затих, не решаясь более подниматься.

– Я вижу, ты не потерял былую форму, – усмехнулся Сатана, не совершивший ни единого движения за все время избиения бедного животного.

– С чего бы мне расслабляться, – несколько запыхавшись, ответил я. – Ты что, решил проверить, как я умею владеть физическим телом, перетащив на свет свое создание?

– Да разве ж этот, заключенный в облезлый мех дух можно назвать созданием, – презрительно сказал он. – Я сейчас готовлю истинное создание Ада – это будет новый дух, рожденный мною, имеющий только мою апперцепцию с новыми потенциальными возможно-

стями в дальнейшем. Так что, мой младший брат, я приближаюсь к силе Демиурга каждый день. Еще несколько попыток и армады Рая будут казаться нам смешным комариным роем, который, разве что, сможет испортить фон своим жужжанием. Как я когда-то и обещал всем вам, мы скоро станем непобедимой силой. Каждый, кто примкнул ко мне, получит…

– Понял я, Иблис, понял, – перебил я его пламенную речь. – Зачем меня агитировать, я же и так с тобой. Ты еще не объяснил, что хочешь от меня. Не пришел же ты сюда для демонстрации своего собачьего Франкенштейна?

Сатана поморщился от моих слов, похоже, что я его задел за живое. Но, что поделаешь – он проводит свои опыты уже не одну тысячу лет и постоянно кормит нас демонов своими обещаниями о скорой победе. Конечно, мне надоело выслушивать от него рассказы о мнимых успехах. Тот факт, что я поддержал его в стремлении обрести свободу от навязчивой любви к внешнему миру, вовсе не говорит о моем согласии поддерживать его исключительно во всем.

– Да, Воле, я пришел, чтобы предостеречь тебя. Что-то происходит с тобой, и мне это не нравится.

Краем глаза я замечал проявление силы Иблиса: невдалеке от нас начали ругаться трое мужчин, до этого мирно играющих в карты, сидя за дворовым столиком; медленно поднялась собака, опасливо обойдя меня, приблизилась к сатане и легла у его ног; из соседнего подъезда вышла женщина, споткнулась и упала, очевидно, сильно повредив себе руку.

– Что тебе не нравится, Иблис? И почему ты создаешь вокруг такой хаос, не можешь чуть позже этим заняться?

– Вот это, в частности, меня и настораживает. Ты что, жалеешь этих людишек?

– С чего бы это? Просто меня отвлекает факт твоего проявления силы, когда я нахожусь в теле человека. Тяжело отслеживать все твои действия.

– Ты что, меня боишься? Не беспокойся, я не причиню тебе никакого вреда, – попытался расслабить он меня.

Мы с ним переглянулись, вдвоем осознавая глупость его слов – доверять Сатане так же нелепо, как купаться в озере с зонтиком, – ведь он сам создал братство идеальных интровертов, призвав нас, первых созданий Демиурга, любить только себя, заботиться о себе и не доверять чужой любви.

– Конечно, Иблис, ты меня успокоил, – ответил я с иронией.

– Мне нет смысла вредить тебе, Воле, но твое поведение меня действительно беспокоит. Ты замечательно работаешь, практически, всегда добиваешься успеха, вот как вчера, например. Однако, я заметил твою однобокость интересов. Скажем, я не помню, чтобы ты участвовал в войнах или хотя бы организовывал мелкие заварушки. Разве тебя не устраивает энергия ненависти?

– Вполне устраивает. Но, меня удивляют твои сомнения, ведь ты же знаешь, что я предпочитаю тонкую работу с клиентом, вместо грубых действий, которые завлекают тысячи людей, а в итоге в Ад приходит только десяток. Мои же результаты, как известно, одни из лучших – 9 из 10. Чем же тебе это не нравится?

– Почему не нравится? Ты прекрасный слуга Ада, просто мне любопытна твоя склонность к искусству и семейным интригам.

Слово «слуга» меня кольнуло, но я не подал виду. Самомнение тем и сильно, что можешь игнорировать чужие потуги тебя принизить.

– Ты боишься, что я пойму устройство человека и стану равным Демиургу? – усмехнулся я.

– Нет, конечно. Не в этом дело. Познание человека ничего не скажет о Демиурге, – без достаточной уверенности в голосе сказал он.

– Тогда ты чего-то не договариваешь.

– Да, недоговариваю. На самом деле я здесь потому, что, возможно, тобою заинтересовался Рай.

– С чего это?

– Не знаю. Но невдалеке от тебя постоянно появляется ангел. Я хочу понять, что ему нужно.

Стало понятно, откуда у меня взялись ощущения преследования. С одной стороны прислужники Сатаны постоянно докладывали о моих действиях, с другой – райские птички почему-то зашевелились. Уж не знаю, что хуже.

– Ты пришел проверить: не переметнулся ли я на их сторону? Это же невероятно, ведь за всю историю нашего разделения никто не изменил своему лагерю, хоть это и странно…

– Ничего странного – каждый получил то, чего хотел. А я беспокоюсь не столько о тебе, сколько о возможном вмешательстве ангелов в наш мир. Чего им здесь надо?

– Ты думаешь, подходит время…?

– Ничего я еще не думаю, я только изучаю. А ты, если заметишь что-то странное, сразу дай мне знать. Будь начеку!

– Хорошо.

– Собака останется с тобой. Зови его Барсом.

– Зачем мне это чучело?

– Чтобы я был спокоен и смог вовремя заметить появление ангела возле тебя, раз уж ты так беспечен.

– Обойдусь без пса, – возразил я.

– Собака останется с тобой, – властно повторил он, давая понять, кто же все-таки хозяин Ада.

Бороться с Сатаной не под силу и десятку демонов. Это уже было проверено исчезнувшими из мира смельчаками, получившими наказание за свое непослушание. История с Прометеем тому наглядный пример. Мне ничего не осталось, как пожать плечами в знак покорного согласия с Дьяволом.

– Пока, – коротко бросил на прощанье Иблис перед тем, как раствориться в воздухе. Напряжение в воздухе спало.

Я остался наедине с бесом, ненавидящим меня больше, чем кого-либо. Коварный старый Иблис поссорил меня с бедной собакой, чтобы я никак не мог ее приручить. Теперь о каждом моем подозрительном шаге будет сообщаться быстрее, чем я буду успевать совершить этот самый шаг. А ведь ему ненавидеть стоило бы Сатану, заключившего свободного беса в тело уродливого пса, да еще и наградившего кличкой Барс, которая шла ему, как соответствовало бы имя Мурзик гремучей змее.

Весь мой день прошел в безрезультатных попытках придумать, как бы отомстить Сатане за его коварство. Но что я мог придумать? Срывая злость на случайных прохожих, я прошатался целый день по городу. Барса я не кормил из принципа – пусть с голоду подохнет, или Сатана сам носит еду. Так эта скотина за день сожрала голубя и двух кошек, пойманных им в те моменты, когда я за ним не наблюдал! Ну как жить с таким животным утонченному сибариту и эстету, коим я себя считал?

Наступил вечер. Я заказал добрую треть меню из приличного ресторана, накрыв стол таким образом, чтобы казалось, что эти все кушанья приготовлены мною самостоятельно. Барса я закрыл в одной из комнат, предварительно предупредив, что если он хоть раз чихнет, то я выбью ему все зубы, а кошек ему придется глотать целиком. Барс, не будь дураком, улегся в дальнем от двери углу и прикрыл нос лапами, злобно взирая на меня. Конечно, бес не нуждался в кошках как в пище, но его телу нужна была еда. Выйти из тела, погибнув по глупости, ему нельзя было потому, что так он мог разозлить Сатану. А Сатану бесы боя-

лись чуть ли не больше всего на свете. Единственно, что я помню, как бесов гонял Иисус, причем бегали они от него как те же кошки от Барса.

Когда Кира позвонила в дверь, я уже был при полном параде: по всей квартире на подсвечниках горели свечи; зеркала в коридоре создавали эффект бесконечной глубины, отражая друг в друге огни свечей; сам я был во фраке, кружевной манишке, с идеально повязанной бабочкой; мои полированные ногти и лакированные туфли сверкали страстным светом, словно подчеркивая причастность каждой мелочи в этом доме к таинству высокого искусства. В руках моих была скрипка и смычок. Едва она вошла, как я заиграл мой любимый каприччо Паганини, слегка изменив его под свой стиль. Играл я с таким чувством, словно выступал на конкурсе перед строгим композиторским жюри, а не перед неопытной девочкой, которая не отличит альт от скрипки.

– Марк, я такого даже во сне представить себе не могла, – зачарованно вымолвила она, после того, как я окончил игру. На ее глазах блеснули слезы.

Ну, что ты, вот она, реальность. Все в жизни может быть и даже того, что мы не представляли себе, пока оно не случилось, – ответил я, галантно кланяясь благодарной публике в глазах Киры. – Проходи, сейчас мы будем ужинать.

Я провел ее через зеркальный коридор в столовую, которая по своим размерам, интерьеру и сервировке стола напоминала обеденный зал дипломатической миссии.

– После такого приема, я другого ужина и не ожидала, – увидев мой стол, восторженно произнесла Кира. – Похоже, ты обеспечил солидную выручку хорошему ресторану.

Ну, вот опять она меня раскусила. Что ты будешь делать с такой девчонкой? Я постарался сделать вид, что не услышал ее комментарий.

– Для тебя все что угодно. Какое будешь вино? – сажая за стол Киру, спросил я.

– Мне все равно, я же в них не разбираюсь как ты.

– Тогда к нашему ужину лучше всего подойдет смесь Мерло с Совиньоном, – подытожил я, доставая из холодильника Шато Лафит. Намеренно опустив в составе еще два сорта винограда, я «унизил» весьма приличное вино. Что делать, не могу себя заставить в удовольствии пить то, что мне лично нравится.

Кира проследила взглядом за моими манипуляциями со штопором, от чего у меня появилось смутное подозрение, что она понимает цену этой бутылки, учитывая ее нынешнюю подработку официанткой. Я украдкой посмотрел в ее мысли, но там был лишь безмятежный интерес ко мне и полное безразличие к элитному напитку.

Разлив по бокалам вино, я провозгласил тост:

– Давай выпьем за то, чтобы сбывались наши мечты, и даже те, о которых мы не смели думать! Даже не так – пусть счастливые мечты обгоняют наши мысли о том, что они невозможны!

– Элегантно, как и все, что тебя окружает, – сказала Кира и пригубила вино.

Я скромно потупил взгляд. Конечно, во мне боролись демоническое желание поощрять восхваление меня, но в то же время и понимание, что это будет крайне глупо.

– Скажи, Марк, – вдруг спросила Кира. – На вид тебе лет тридцать, говоришь ты, словно воспитывался при дворе, играешь так, как будто только концертами и занимаешься. Кстати, когда ты вчера играл на рояле в ресторане, я заметила, что их пианист был в полуобморочном состоянии от твоего исполнения. Телосложение у тебя атлетическое – как ты это умудряешься в себе сочетать? Кто ты на самом деле?

Задав вопрос, Кира отставила бокал и посмотрела прямо мне в глаза. И я куда-то провалился. Я видел свет и чувствовал блаженное тепло, моя черная бесконечная жизнь показалась мне какой-то ничтожной. Это непрерывное вековое одиночество, броня самовлюблённости – все стало мелким, по сравнению с тем огнем любви, что был в ее глазах. И это

не была влюбленность в меня как в самца, это было что-то присущее ей самой, ее часть души. То, что я собирался уничтожить в ней.

– Видишь ли, Кира, – пробормотал я, собираясь с мыслями. – Я старше тридцати лет и мое воспитание далеко не образец для подражания. Просто получилось так, что я всю свою жизнь старался понимать то, что я делаю. Например, фортепиано я изучал со стороны струн, натянутых внутри, слушая и вникая в каждый нюанс звука. А потом, играя на нем, я погружался в музыку настолько, что я становился пространством, в котором она существует. Вот, послушай…

Я вскочил и бросился к спасительной скрипке, оставшейся в прихожей. Нужно было менять тему, а потому я заиграл любимый отрывок из «Времен года» Вивальди.

Маневр удался, после музыки было как-то нелепо говорить о себе, а потому я завел разговор о разнице исполнений классической музыки, потом об отличии в подаче музыки от дирижеров. Вино помогало, и Кира все больше погружалась в рассказы о себе.

Она поведала мне о своем желании окончить вуз, в котором она училась заочно, заработать денег и открыть свое дело, может быть и ресторан. Я, конечно, обещал ей помочь во всех ее начинаниях. Собираясь завтра ее бросить, я мог обещать все что угодно, не заботясь о последствиях.

– Кира, а как ты думаешь, – поинтересовался я, – какова твоя цель в жизни?

Минуту она изучала узор на тарелке, а затем ответила:

– Понимаешь, я задаю себе этот вопрос вот уже лет десять. Ответа я не нахожу. Не думаю, что Бог создал меня для того, чтобы я открыла ресторан или что-нибудь в этом роде.

– Ну, а таланты у тебя есть какие-то, склонности к чему-либо?

Она улыбнулась, поскольку скромность не позволяла ей отзываться о своих способностях, как о талантах.

– У меня есть склонность к языкам. Еще в школе я достаточно легко выучила английский, самостоятельно освоила немецкий, и сносно понимаю по-французски, знаю основы испанского и итальянского. Одноклассники удивлялись – как это мне удается, ведь занималась я без репетиторов. Помню изумление на лицах подруг, когда они узнавали, что вместо любовных романов я предпочитаю книги по лингвистике.

– Действительно? – я изобразил удивление, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на один из перечисленных языков. Хватит уже с меня демонстраций своих навыков.

– Да. С трудом помню, о чем писали Стендаль и Бальзак, но зато прекрасно разбираюсь в специфике грамматики французского языка.

– Знаешь ли, Кира, – заметил я. – Не думаю, что эти классики особо злоупотребляли написанием чисто женских романов.

– Нет, Марк, – засмеялась она. – Читаю я и художественную литературу. Я имею в виду то, что, скажем, Толстой и Бунин оставили в моей душе гораздо больший след, чем вышеперечисленные авторы. А романы Бальзака не приносят мне такого удовольствия, как изучение особенностей этимологии различных языков.

– Почему же ты не учишься по этой специальности?

Мне казалось, что юридическое образование дает более широкие возможности. Сейчас уже не уверена- все эти кодексы и подзаконы кажутся слишком большим нагромождением поверх здравого смысла.

– Что ж. Если б я знал, что у тебя страсть к языкам, то приготовил бы чудесный заливной говяжий или свиной…

Меня перебил смех Киры.

Наш беседа шла уже третий час, как вдруг она сказала:

– Ты знаешь, я никогда в жизни не была так счастлива, как с тобой. Странно, два дня мы знакомы, а я тебя ощущаю так, словно ты самый близкий мне человек. Удивительно, но я никогда не подпускала к себе парней настолько близко. Ну, флирт, иногда вожделение, но все слишком поверхностно. Только теперь я поняла, что мужчины были для меня просто самцами без души.

– Ты хочешь сказать, что чувствуешь мою душу? – спросил я заинтригованно.

– Да, – ответила она, опять посмотрев не на меня, а в меня. Это я смотрю внутрь людей, а теперь какой-то человек проделывает такое со мной. Не знаю, как такое могло быть, но я был полностью растерян.

– И что же ты можешь в ней чувствовать, какая она? – еле выдавил я из себя.

– То, что я вижу, я ощущаю как чистый свет. Но все остальное во мраке. Может быть, ты слишком глубоко меня впустил в себя? – тихо закончила она.

– Думаю, что…

– Молчи, – перебила она мою попытку возразить. – Что бы ни было, знай, что ты лучший из всех, кого я знала до сих пор. Завтра может не наступить для нас таких, какие мы сейчас.

Я похолодел, поскольку она уже внутренне была готова к тому, что я брошу ее. Вот-вот и все мои старания станут напрасными, ведь я точно знал, что все разговоры о любви полная ерунда. Ее просто нет. Миф о ее существовании выдумали еще очень давно ангелы, чтобы оправдать свое безумие, а затем этот миф подхватили люди. Безумные люди. Лихорадочно я пытался продумать новый план действий, как Кира произнесла невозможное:

– Я готова отдать душу Дьяволу, чтобы остаться с тобой на всю жизнь. Но лучше бы ты сам им оказался, – она улыбнулась. Ей казалось это забавной шуткой.

– Ты понимаешь что говоришь, Кира? – спросил я дрожащим от волнения голосом.

– Да, полностью осознаю сказанное.

Мгновенно выхватив из-под стола бумагу и ручку, я протянул ее Кире.

– Напиши свое желание.

– Зачем, – удивилась Кира.

– Просто мне интересно будет показать тебе эту расписку через определенное время и послушать как изменилось твое мнение, – ласково сказал я, весь обмирая от волнения внутри.

– Хорошо, – согласилась она, взяла бумагу и начала писать.

Написав, она прочитала вслух:

– «Я, Кира Волынец, готова отдать свою душу… кому?

– Мне.

– …готова отдать душу тебе за возможность всю жизнь быть с тобой». Записать твое имя и фамилию, Марк?

– Не стоит, ведь это только для нас, – ответил я, забирая бумагу, которая вовсе и не являлась бумагой.

Я ликовал и паниковал одновременно. Это был мой самый быстрый и успешный контракт. Настолько успешный, что теперь мне казалось, что это меня обвели вокруг пальца. Мой глупый тост сбылся для меня невероятно быстро. Такая мелочь, как всю жизнь Киры провести рядом с ней, меня не пугала, поскольку ее жизнь я мог прервать прямо сейчас. А вот что делать с душой, следовало обдумать. Иблис от таких вольных формулировок не будет в восторге.

Было ощущение, что Кира со мною, фактически, празднует свои похороны.

Ночью, когда она заснула на моем плече, я вышел из тела человека, расправил свои утомленные от безделья крылья и взлетел над домами.

Глава 3

Ночью, когда она заснула на моем плече, я вышел из тела человека, расправил свои утомленные от безделья крылья и взлетел над домами.

Я парил над городом, окутанным ночной прохладой. Город тщетно сопротивлялся тьме, используя огни уличных фонарей и ярких реклам, свет из окон домов, фары автомобилей. Все же город был во власти тьмы. Отсюда, с высоты, это хорошо было видно. Мы, демоны, даже на первых порах, сопротивлялись попыткам человечества взлететь в небо, боясь, что люди поймут, наконец, кто они такие. К счастью, этого не случилось.

Мне всегда были смешны попытки людей вырваться из тьмы, обмануть свои желания, подменяя свои истинные ценности, интересами окружающих, наделяя себя добродетелью, которая им вовсе и не свойственна. Человек давно уже стал настолько слаб, ленив и порочен, что не в состоянии отличить черное от белого, он безоговорочно верит чужой лжи, которая ласкает его слух, но отрицает правду, заставляющую его думать о своих поступках и их последствиях. Он врет самому себе, дабы и в своих глазах выглядеть красиво.

С высоты моего полета, я ощущал абсолютную власть Ада над людьми – власть, которую Сатана захватил уже давно, выиграв первую битву с ангелами, и крепко держит в своих руках, окутав всю землю сетью всеобщего разложения. Однако, это меня настораживало, поскольку я знал предсказания по поводу конца света – время, которое откроет людям глаза на то, кто они есть на самом деле. Были времена, когда, казалось бы, час истины для человечества пришел, но мы побеждали.

Я не знал, что же противопоставит Иблис на этот раз силам Рая, которые якобы рассчитывают на поддержку Демиурга. Последнюю битву мы выиграли, когда появился Иисус, и ангелы бросились в атаку. Но мы победили с сомнительным счетом, так и не поняв, кем же был Иисус на самом деле: посланником Демиурга или созданием Рая.

А в эту ночь мне было хорошо. Я парил над городом, наслаждаясь бесконечной тьмой, дарующей покой и осознание мира, впитывая энергию жителей мегаполиса. Демоны не имеют эмоций, кроме как направленных внутрь себя, поэтому им нужны чужие, позволяющие увеличивать свою силу. Ад есть ни что иное, как огромный фильтр, через который проходит рассеянное эмоциональное излучение, накапливаясь в очищенном от индивидуальных примесей виде. Большую часть энергии, конечно, поглощает Сатана. Мне же не очень нравится получать отходы с барского стола, вот я и создаю сам для себя выборочные, приятные только для меня потоки, исходящие от людей. На мой взгляд, самые ленивые и бездарные демоны скапливаются в ярких очагах человеческих страстей. Так, провоцируя определенные события, демоны доводят праздники до истерии, переходящей в пьянки и побоища, после которых люди становятся изможденными и долго аккумулируют новую энергию.

Более умные из нас подогревают раздоры и войны, доводя целые народы до состояния постоянной ненависти и ярости. Правда, в этом деле тяжело не перестараться, так как можно одним махом уничтожить целое государство. Полезней, десятилетиями и веками поддерживать ненависть в сердцах одних народов к другим, периодически доводя их до военных действий, но, не допуская чьей-то окончательной победы.

Вдруг мои размышления прервало ощущение чьего-то присутствия. Первой мыслью было, что это мой коллега демон, как и я, наслаждается ночным полетом. Но затем, по сильному излучению непривычных потоков, стало понятно, что это создание иного рода. Рядом со мной плыл по небу ангел. Его сияние выглядело столь непривычным для моего взора, что я несколько опешил от такой наглости. Присутствие ангела на человеческой Земле – редкое явление, это являлось, по сути, нарушением наших границ, поскольку, измерение людей

с давних часов контролируется демонами. Через короткое время здесь должен появиться патруль Сатаны, чтобы изгнать непрошеного гостя, поэтому мне не нужно бросаться в бой самому, зато любопытно было узнать, что он здесь делает.

– Демон, мне нужно с тобой поговорить, – без приветствия обратился он ко мне. Да и как он мог меня приветствовать: пожелать доброй ночи или здоровья?

– Что ты хочешь, ангел? Ты не должен здесь находиться.

– А ты не должен был брать у девушки расписку.

– Какое тебе до нее дело?

– Я ее хранитель, а она мой, если так можно выразиться.

– Ну и что? Разве ты имеешь право вмешиваться в дела Ада на Земле?

– Ты слеп, демон, и не понимаешь, что нет земных дел, дел Ада и Рая – все это едино. Но простой демон, вроде тебя, полагает, будто может вмешиваться во всемирный поток событий только для насыщения собственного брюха.

– Меня всегда поражала тупость ангелов, которые фанатично борются за «общее дело», которого нет и быть не может, – насмешливо ответил я, четко понимая свое превосходство над этим бойцом за дырку от бублика. – Жаль тебя, ангел, но помочь тебе не могу, а мешать мне не следует. Я действую в полном согласии с правилами нашего нейтралитета.

– Ты нарушаешь правила.

– В чем? – удивился я.

– Ты обманул девушку, ведь она полюбила тебя не зная, что ты не человек и, следовательно, любить ее не можешь. Она сделала свой выбор и отдала свое сердце человеку, а не демону.

– Ерунда, вашей так называемой любви никогда не было и не будет, так что говорить тут не о чем, – уверенно заявил я.

– Если ты чего-то не понимаешь, это не означает, что этого не существует. Но ты ее не сможешь понять, сколько бы я тебе не объяснял. Поэтому, просто отдай мне расписку девушки, признайся ей кто ты, а затем попробуй получить новую. Если ты получишь ее душу в этом случае, то тогда все будет по правилам.

– А не слетал бы ты на разведку дальнего космоса? – порекомендовал я.

– Что ж, пеняй на себя, – коротко ответил ангел.

Тут же он взмахнул своей рукой и в ней оказался меч в виде плазменного потока чистой энергии. Я рефлекторно сгустил воздух вокруг себя, образуя на своей ладони черный смерч. Ангел ударил мечом, разрывая мою защиту. Из смерча вырвался разряд молнии, который остановил убийственный для меня поток. Небо почернело, появились тяжелые тучи, загрохотал гром наших ударов. Ангел продолжал наносить удары, которые я парировал молниями, мгновенно испепеляющими лезвие меча, но он беспрерывно его создавал вновь. Наша битва, несомненно, привлекла внимание других демонов, которые должны были появиться вот-вот, поэтому я не спешил нападать, зря растрачивая силы. Приходилось держаться поближе к Кире, не покидая измерения людей, а это быстро утомляло.

Вдруг ангел сменил тактику и, ударяя меня мечом, одновременно выпустил из своей груди сверкающий шар. Пока я соображал что же это такое, шар закручивая пространство вокруг себя, непрерывно рос и приближался ко мне. Понимание пришло чуть запоздало, когда меня начало закручивать по спирали, отрезая от человеческого мира. Шар ломал пространство, сжимая меня в идеальную точку субъективного измерения. Еще чуть-чуть и я бы превратился в отдельный мир, состоящий только из меня и существующий только для меня. Но, поняв принцип воздействия, я создал контрспиральный поток энергии, выплевывающий и выворачивающий наизнанку все, что было до этого сжато шаром. Одновременно, создав яму в пространстве, я подсунул ее под ангела, отвлеченного нейтрализацией аннигилирующих потоков, движущихся в его сторону.

Ангел стал проваливаться, а я придавливал его потоками новой энергии, обрушивая их на него в виде купола. Будучи не в состоянии быстро разрушить купол, ангел провалился в ловушку минипространства с одним лишь измерением – временем. Я мгновенно сжал ловушку до размеров горошины. Фактически, я сделал с ним то, что он хотел сделать со мной. Взяв с собой этот трофей, я заключил его в кристалл и быстро направился в свой дом на земле, не желая узнавать, кто первый прилетит на звуки грома.

Что теперь делать? Сейчас мог появиться целый полк ангелов, пытаясь спасти своего брата. Что это: начало конца мира? Тотальная война до полного уничтожения Земли? Я не хотел менять свою жизнь, но что делать? Неужели именно мне, почитателю искусства и тонких чувств, суждено положить начало Апокалипсису?

Я влетел в комнату, где лежал бес и бросил к его ногам кристалл с минитюрьмой.

– Охраняй, Барс, – приказал я, усевшись в кресло в другом конце комнаты, чтобы спокойно поразмыслить над случившимся.

Барс испуганно попятился, видимо, ощущая наличие чего-то чуждого ему. Затем, испуганно озираясь, он стал подвывать, скорее всего, призывая Сатану. Оставалось ждать, когда прибудет Иблис или кто-то еще по его приказу. В небе уже кружили патрули демонов, пытаясь понять, что же случилось. Они могли сдержать первый натиск ангелов, давая мне шанс в случае опасности скрыться с моим пленником, надежно спрятав его до конца мира.

Вдруг воздух в комнате начал светиться, причем сразу по всему пространству помещения. Я насторожился, концентрируя в руках максимум энергии для обороны. В центре комнаты начали медленно вырисовываться чьи-то контуры. Эти контуры постепенно наполнились светом, создающим иллюзию фигуры человека. Мой взгляд демона не мог проникнуть вглубь этого света и определить, кто же это был. А вот теперь стало действительно страшно, так как я узнал *его*. Нападать, пока я был один, являлось бы полным безумием.

– Здравствуй, Воле, – спокойно поприветствовал Он меня.

– Ну, здравствуй, – ответил я с максимальным равнодушием. Затем поинтересовался. – Что это сегодня ко мне такое внимание? Может у меня день рождения или выбрали командовать небом? Или Марс опять людьми заселять будем, а я по нему специалист?

– Пришло, видно, твое время, – продолжал Он, игнорируя мои слова.

– Какое еще время?

– Время сыграть свою роль в мировом потоке событий.

– Ты знаешь мою роль?

– Скорее, ты ее знаешь, но боишься посмотреть вглубь себя. Ты же для чего-то рожден?

– Я был полностью удовлетворен жизнью и до твоего прихода, зачем мне что-либо менять?

– Помнишь, как говорил Лао-Цы на счет центра Вселенной. Любое действие совершенно, несовершенно лишь понимание последствий. К тому же, ты не был счастлив.

– Какое тебе дело до моего счастья? Я что, выиграл путевку в счастье, или ты меня можешь таким сделать?

– Ты сам, но сначала я верну тебе то, что у тебя было отобрано. Это будет тебе наказанием за твои деяния, но одновременно моим подарком, который сможет сделать тебя счастливей. Впрочем, ты должен понимать, что подарок не от меня лично, это просто идет через меня. И более того, это не подарок – это твоя часть самого себя, которую ты востребовал.

– Ого, у меня точно день рождения! – воскликнул я, изображая веселье. – Что же ты хочешь мне дать?

– То, что Иблис похитил у всех вас и даже у этого беса, пытаясь быть равным Демиургу.

– Силу созидания?

– Да, – улыбнулся Иисус и исчез, забрав с собой кристалл.

Я остался наедине с Барсом в пустой комнате. Ничего не происходило, демоны и бесы кружили в небе над Городом, но, похоже, кроме грозы никаких катаклизмов не предвиделось. Странно, зачем приходил Тот, Кто Называет Себя Сыном Человеческим – просто успокоить небеса, освободив ангела? Вряд ли только за этим. Что скрывалось в его словах, какие перемены грядут? Единственное, что мне оставалось – продолжать жить по-прежнему, а там что будет, то будет. Подмигнув Барсу, также слышавшему слова ночного гостя, я отправился в постель к Кире.

Обратившись в человеческое тело, я прилег и ощутил, как она прижалась к моему плечу, вздрагивая во сне от раскатов грома. Вспыхнула где-то возле дома молния, отозвавшись выстрелом грома, и Кира в страхе проснулась.

– Мне страшно, – прошептала она, сжав мою руку.

– Не бойся, маленькая, все в порядке, я рядом, – почему-то вырвалось у меня.

Что-то со мной было не так, чутье демона било тревогу. Мое внутреннее состояние изменилось каким-то странным образом. Ощущение было такое, как будто мне угрожает опасность, но источник ее невозможно определить. Я резко сел, испугав Киру своим порывом.

– Что случилось? – спросила она, беспокоясь уже за меня.

Если б я знал. Необходимо действовать, так как демоны не умирают в постелях. Я решил, что пришла пора разобраться с Кирой. Едва я об этом подумал, как чувство тревоги выросло еще больше, захлестнув меня огненной волной. Мне стало дурно от осознания того, *что* с Кирой может случиться. Я не хотел отдавать ее душу в Ад на вечное рабство. Мне она сама нужна, я не хотел делиться ею с кем бы то ни было. Нет.

– Вставай, Кира, нам нужно уходить, – вскочив на ноги, сказал я.

– Почему? Что происходит? – поднимаясь с постели, спросила она.

– Одевайся, быстрей. Я все расскажу тебе по дороге. Тебе угрожает беда. У нас мало времени.

Кира стала одеваться, как вдруг в комнату, выбив дверь, вломился Барс. Он стал в боевую позу, ощетинив на меня свои клыки. Кира вскрикнула, прижалась к стене, схватив подушку, пытаясь ею заслониться от животного.

– Все в порядке, Барс, – быстро крикнул я псу на языке Ада, соображая, *что* он чувствует, получив вместе со мной новое знание. – Ты пришел защитить девушку?

– Да, – ответил он мне на том же языке.

– Я не трону ее, но хочу спасти от других демонов. Ты поможешь мне?

– Помогу. Теперь я не боюсь. Я свободен. Уходите. Я задержу, – прохрипел Барс, с трудом справляясь со словами, используя собачью глотку.

– Кира, не бойся его, – успокоил я. – Он хороший, он будет охранять нас, то есть тебя. Это Барс, мой пес, точнее, просто пес.

– Как ты с ним общаешься? Что это за страшный вой? – Киру била дрожь. Еще бы – не каждый день услышишь звуки из Ада.

– Обыкновенный язык, Кира, очень емкий, используется в специфической местности, про которую я тебе хочу рассказать, как только мы получим для этого время, – успокаивающе бормотал я, помогая ей одеваться.

– Марк, объясни же, что случилось, – попросила Кира, полностью одевшись.

– Это тяжело сделать в двух словах, – ответил я. – Потерпи, сейчас мы выйдем…

– Не спешите, – сказал Иблис, появившись в дверях.

Его сопровождали еще двое демонов, которые, похоже, патрулировали эту зону. Все они были в своих истинных, немного уменьшенных обличьях, не потрудившись изменяться перед человеком, которого они уже считали своей собственностью. Конечно, только Киру мог напугать их грозный вид – двухметрового роста черные люди с когтями на руках

и огромными крыльями сзади. Это было их физическое воплощение в этом материальном виде. Мне не было страшно, я такое могу увидеть в любой момент, взглянув в зеркало на себя.

– Уходи, Иблис, – обратился я к Сатане на языке Ада, вновь невольно испугав Киру.

– Позволь только забрать с собой то, что принадлежит мне, – обнажил клыки в драконовской улыбке Иблис. Может, для крокодила это и была улыбка, но Кира от нее упала в обморок.

– Здесь нет ничего твоего, – отрезал я так жестко, что демоны удивленно переглянулись, пораженные моей непокорности хозяину преисподни.

– Ты стал слишком дерзок, щенок, я могу тебя наказать. Лучше не противься, а верни мне мою собственность. Ты же подписал контракт в мою пользу, не правда ли?

– Не совсем в твою. Она моя. Ты не получишь ни контракта, ни ее душу.

– Ты осмеливаешься мне перечить? – гневно спросил Иблис, сверкнув глазами.

Боковым зрением я заметил, как Барс, о котором все забыли, стал изменять свое тело, вставая на задние лапы и становясь похожим скорее на медведя. Вдруг он с рычанием прыгнул на Дьявола. От неожиданности тот не успел вовремя защититься, и они кубарем вкатились в соседнюю комнату.

Я не стал терять времени – схватил приходящую в себя Киру и прыгнул в окно. В полете, я расправил крылья, планируя над деревьями, понесся прочь от дома. Кира с ужасом смотрела на проносящуюся под нами землю, но молчала, видимо, не веря в происходящее. Мы подлетели к ближайшей церкви, и я опустился на землю, сложил крылья, вновь становясь похожим на человека.

– Кира, ты веришь в Бога? – спросил я, едва отпустив ее.

– Если это не сон, то теперь верю, – ответила она и спросила с болью в голосе. – Марк, кто ты?

– Я не человек, Кира. Возможно, я сам уже не понимаю, кем являюсь сейчас. Но об этом позже. Сейчас ты должна знать, что тебе угрожает опасность, за твоей душой охотится сам Сатана. Тебе нужно скрыться. Пойди в церковь и наберись светлой энергии надежды, она временно будет тебя защищать. Энергия надежды будет сдерживать силы Ада, а ангелы наоборот притянуться к тебе.

– Ту расписку, которую ты написала, я не могу пока уничтожить, потому что она существует внутри тебя и меня. Если кто-то из нас сдастся, то твоя душа погибнет. Мне нужно придумать выход, но мы не можем пока быть вместе, так как Сатана еще считает тебя в своей власти. Я должен остановить его.

– Марк, милый, не бросай меня.

– Они не причинят тебе физического вреда, пока ты будешь под охраной неба. Но возле меня ты в опасности. Иди в церковь и поговори с небом, скажи им о том, что ты не согласна отдавать Дьяволу душу. Тебя услышат. А я подтвержу твои слова в Аду.

– Я не понимаю, какая разница, где разговаривать с небом?

– Ты права, но сейчас здесь будет Сатана, и небо может не успеть помочь тебе. Уходи, я задержу их. Скорей!

– Марк, – позвала она.

– Уходи, прошу тебя!

– Марк, кем бы ты ни был, слышишь, Марк! Я люблю тебя, Марк! – закричала она, пытаясь противостоять моей силе, которая неумолимо толкала ее прочь.

– Да. Уходи. Я… я… тоже. Я люблю тебя, Кира! Прости меня, я не знал что это такое… Прощай! – вырвалось у меня, когда она уже была возле входа в храм.

Последним усилием я вырвал замок из дверей церкви, распахнул их и втолкнул вовнутрь Киру. Дальше моя сила не распространялась.

Сзади ударил ледяной ветер, разрывающегося под крыльями Дьявола пространства. Едва я успел повернуться, как черная мгла окутала меня и сдавила с невероятной силой. Я не знал, что существует такая боль…

Глава 4

Я висел, будучи прикован в человеческом теле к стене, состоящей из каменных блоков. Мои руки, ноги и горло сжимали металлические скобы, удерживая меня в подвешенном состоянии, причиняющие мне нестерпимую боль. Кроме этой стены была только серая мгла, закрывающая все пространство вокруг меня. Я сделал попытку выйти из тела – ничего не происходило, попробовал утончить руки, чтоб протащить их через скобы, но и это было безрезультатно – здесь не было моей силы демона. Не помню еще такого момента, чтобы я был так беспомощен. Все мои потуги хоть немного пошевелить конечностями ни к чему не привели – с таким же успехом муравей мог пытаться сдвинуть бульдозер.

Едва я успел перепробовать все средства, как туман стал рассеиваться, растягиваясь по сторонам, образуя правильные контуры большого зала. В центре стали появляться демоны, молча выстраиваясь в правильные шеренги. Через минуту в помещении уже было около сотни демонов, однако тишина была полнейшей. У противоположной от меня стены материализовался внушительный трон, в котором сидел Дьявол. Все демоны устремили свой взор на него, я же, как будто для них не присутствовал.

– Братья мои, – обратился Дьявол к собранию, – в этом зале я собрал самых достойных демонов, чтобы решить вопрос о наказании гнусного предателя.

Тут же стена, удерживающая меня, как бы продвинулась в центр зала, я оказался в центре собрания, а перед лицом моим был Дьявол, грозно взирающий прямо мне в глаза.

– Это демон Воле, вы все его знаете, – продолжал он. – Он был очень талантлив, его заслуги перед Адом, нашим общим домом, тяжело переоценить, но наш брат совершил тяжкий проступок и должен быть наказан за него. Это не первый случай, когда демон предает нас, помогая силам Рая. Я не думал, что кара предшественников может оказаться таким неубедительным уроком. Кто хочет высказаться по этому поводу?

– У меня есть вопросы к Воле, – сказал демон Карт, который был самым старшим демоном после Дьявола.

– Задавай, – кивнул головой Иблис.

– Скажи, Воле, почему ты не отдал душу какого-то человека, вступив с нами в войну. Неужели, твоя жизнь тебе не дороже свободы какого-то человека? Ты понимаешь, что для нас твой поступок выглядит полнейшей глупостью? Может, ангелы повредили твой разум? Я хочу понимать, не угрожает ли нам такое же безумие.

Несмотря на боль и давление в горле, я заговорил, пытаясь держать свой голос как можно ровнее:

– Карт, братья демоны, я не безумен, я даже не ощущаю симпатию к ангелам, потому что они далеки от моего понимания мира. Более того, я считаю, что мой разум, наконец, обрел целостность. Мне вернули полноту восприятия мира, я вспомнил, что такое Любовь. Понимаете, это такая полнота, когда ты вдруг понимаешь, что мы все…

– Но ты говоришь как безумный ангел, брат, – перебил меня Карт. – Ты утверждаешь, что познал то, чего вообще нет. Ели б ты сказал, что познал Демиурга, то это бы казалось меньшим безумием, чем твои слова о любви. Ведь мы знаем, что даже Демиургу не присуща любовь. Он просто нас оставил.

– Нет, брат, любовь существует, но мы все были ее лишены, когда отдали Иблису свои сердца. Он погасил в них любовь к миру, чтобы мы могли слепо подчиняться идеям Ада. Вспомните, какими мы были до раскола. Вспомните, что Иблис обещал нам, зовя за собой. Он предлагал каждому из нас создать свой мир, в котором мы будем сами себе Создателями. Вы помните, что мы тогда чувствовали, зачем нам нужен был свой мир – чтобы ненавидеть его, чтобы питаться его эмоциями? Нет, мы жаждали любви, эгоистичной любви к своему

миру, а мира к нам. Мы ревновали друг друга, потому что нам казалось, что мир любит не нас, а кого-то другого. Мы боролись за право быть любимыми. Чего же мы достигли – ненависти людей и ангелов, равнодушия друг к другу, жалкого поглощения мертвых эмоций мира?

– Нет, Воле, – отозвался Дьявол, – ты безумен. Любая душа: демоны, ангелы, люди, духи, бесы – все имеют свободное право выбора. Это единственное правило Демиурга всегда соблюдалось беспрекословно. Но ангелы трактуют это правило по-своему, а мы по-своему. Мы пошли гораздо дальше ангелов, поскольку право выбора как раз и предполагает, что ты независим от всех. Ангелы же навязывают друг другу свою псевдолюбовь, подменяя, таким образом, свободу рабской зависимостью от якобы общих целей. Каждый из нас самодостаточен и может жить, как ему захочется. Ангелы же пребывают в иллюзорном мире, не смея разорвать узы своих обязанностей друг перед другом.

– А разве нет у нас этих кандалов? – спросил я.

– Нет, мы объединены не глупой мечтой о всеобщей гармонии с потерей индивидуальности, а вполне конкретной задачей – создать для каждого свой мир. Мы все добровольно объединились во имя этой цели. Достигнув состояния Демиурга, мы разойдемся по своим мирам. Только поэтому мы требуем от тебя ответа, поскольку ты предаешь цель, под которой расписался.

Я попытался возразить, напомнив собравшимся о том, с чего мы начали, сказать про изначальный обман Иблисом пошедших за ним демонов, но он сжал стальную петлю на моем горле, заставляя меня молчать.

– Теперь вы все поняли, что наш брат безумен, – сделал вывод Дьявол.

– Безумен, – пронеслось по рядам.

– Его нужно наказать за предательство и дать время одуматься. Предлагаю оставить его в этом времени и месте в теле человека на двести лет, чтобы он мог осмыслить свои поступки. Тюрьма для его души и тюрьма для тела – что может быть хуже для предателя.

– Да, брат Иблис, – согласился демон Карт. – Это будет справедливо. Материальное тело человека будет все это время напоминать ему о совершенной глупости.

– Что ж, братья, пусть будет так, – подытожил Дьявол. – Мы соберемся здесь через двести земных лет и решим, что делать дальше.

Зал с демонами растворился в тумане, осталась только стена, на которой я висел. Стала понятна причина моего бессилия – я был в прошлом. Здесь любой демон терял свою власть, ибо прошлое подчинялось только тем, кто жил в нем. Попасть в настоящее я мог только при условии, что я сам себя заслал в прошлое. Двести лет, ха! Для меня, уже живущего многие миллионы земных лет, подождать еще двести, не составляло труда. Но ведь в настоящем оставалась Кира, ей там угрожала опасность. Нет, демоны не могли ее убить, но ведь они могут действовать через людей, очернив ей жизнь и забрав ее душу.

Кроме того… Кроме того, я хотел быть с ней каждый миг уже сейчас. Время существует лишь для материи, но душа живет отдельно. Можно вернуться через двести лет в настоящее, там, где сейчас Кира, но там нельзя встретить ее душу, в том времени будет пустое тело, проживающее свой век. Нет, конечно, существующие в том месте демоны и ангелы могут бороться в тот момент за ее душу, но мое влияние будет равно нулю. Что бы я ни делал, что бы не говорил, все ее поступки и выводы уже будут предопределены. Никто не может переиграть жизнь, вмешиваясь в прошлое. Можно только зациклить прошлое на себе, отрезав его от будущего и как только ты вернешься в настоящее, все, что было в прошлом, встанет на свои места, так, как будто тебя там не было вообще.

Что же делать? Как освободиться от пут и как вернуться по времени в настоящее? В стене, по крайней мере, меня удерживали только силы Сатаны. Я начал яростно дергаться, пытаясь хотя бы сломать руку, но освободиться. Затем успокоился, решив, что, даже умерт-

вив тело, мне придется быть рабом во времени – мой дух будет просто парить в воздухе целых двести лет, не имея под собой никакой опоры и ориентира для передвижения во времени. Я вновь кричал и рвался, бился о стену, калеча руки и ноги, напрягал шею, но ничего не помогало.

Прошло по ощущениям уже несколько суток, но все мои попытки вырваться из пут, были абсолютно бесполезны.

Понемногу я стал понимать, что до сих пор единственной моей силой была ярость и желание отомстить Сатане. И тут передо мной ярко встал образ Киры, ее глаза умоляюще смотрели на меня, прося только об одном – чтобы я не бросал ее. Как я могу висеть бесцельно здесь? Вдруг я расхохотался как безумный, потому что до меня дошло – ведь Сатана и сам погубил в себе любовь, он не знает ее силы, но она же со мной, она не знает преград на своем пути, нужно лишь ею воспользоваться.

Я успокоился, вошел в состояние абсолютной власти любви над своим духом, закрыл глаза. Мне стала безразлична моя боль и отошла в сторону ненависть к Иблису, мне стало его жалко, поскольку он был так ограничен, замкнут в себе и одинок. Его мечта уже изжила себя, поскольку он жил ложной целью. Блаженство любви захлестнуло меня, тело расслабилось и полностью перестало сопротивляться ненависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.